Князь Холод

Автор:
Дмитрий Евдокимов

Князь Холод

Дмитрий Викторович Евдокимов

Современный фантастический боевик (АСТ)

У Сергея Прохоркина были свои планы на жизнь. Однако судьба распорядилась так, что оказался он в чужом мире, в эпохе шпаги и кинжала, кремневых ружей, пехотных каре и наводящей ужас на врагов тяжелой кавалерии. Все нужно начинать сначала, знание истории и юношеское увлечение фехтованием Сергею в помощь, да вот беда – в «наследство» ему досталось тело молодого князя Михаила Бодрова, обладавшего скверным характером и весьма сомнительной репутацией. А потому приживаться в мире, лишенном привычных благ цивилизации, приходится преодолевая общественное мнение, происки Сыскного приказа и козни инквизиции. Да и международная обстановка накалена до предела, вот и бросает Сергея из огня одной войны в полымя другой. Но ведь сложности нам на то и даются, чтобы преодолевать их.

Кто же знал, что только так может появится тот, кого назовут Князь Холод.

Дмитрий Евдокимов

Князь Холод

Будь тысячу раз проклят тот миг, когда в мою дурную голову пришла мысль срезать путь через стройку! Ну, попал бы домой на пятнадцать минут позже – всего-то делов! А теперь непонятно, попаду ли вообще…

Я сделал стремительный выпад своей арматуриной, заставив опасливо попятиться компанию из шести парней крайне хулиганистого вида. Вообще-то один из этой шестерки работал сторожем на стройке, а следовательно, имел полное право если не отлавливать подобных мне несанкционированных посетителей, то безжалостно гонять с территории уж точно. Но, во-первых, одно дело – отлавливать и гонять, и совсем другое – устраивать охоту с бейсбольными битами и металлической арматурой наперевес. А во-вторых, мне жутко интересно, знает ли директор строительной компании, кого ему сосватали в сторожа кадровики? Это же готовая проблема уже на стадии приема на работу! Несмотря на относительную молодость, каждый из загонщиков если не побывал в местах не столь отдаленных, то явно стоит в самом начале очереди туда.

Обломок кирпича ожег кожу на виске и зацепил ухо. Сообразили-таки! Я уже минуты три успешно отбивался от бандосов так удачно подвернувшейся под руку арматуриной трехметровой длины, а эти недоумки не могли придумать ничего более умного, чем ждать, когда я устану. Но теперь всё, забросают камнями. Эх, знать бы, что выход со стройки окажется заблокирован, ни за что не побежал бы сюда. Да что уж там говорить – вообще обошел бы строящийся объект десятой дорогой! Но это всё теперь лишь домыслы в сослагательном наклонении. А мне бы просто унести отсюда ноги!

На этот раз в меня полетели сразу два кирпича. От одного я увернулся, второй ударил в левое плечо. Не больно, камень уже был на излете. Но сейчас метатели кирпичей подойдут ближе, и всё мое везение закончится. Нужно что-то делать. Но что?

Что-что! Если нет выхода, ищи вход! Озаренный этой прописной истиной и ободренный очередным замешательством противника, я рванул вперед, на ходу перехватывая арматуру двумя руками поближе к середине. Сейчас бы ударить с хорошим боковым замахом, да место не позволяет!

Но и так неплохо получилось, удалось сразу двум хулиганам нанести удар в область груди. На третьего не хватило замаха, потому просто толкнул его на штабель плит перекрытия. Сразу сделал шаг назад, не давая атакованным противникам ухватиться за мое орудие, резко повернулся и хлестнул четвертого

по бедру. Еще немного, еще чуть-чуть – и я вырвусь из этого тупика. Ловко подставляю арматурину под удар биты и, воспользовавшись тем, что атаковавший меня противник неловко оступился, пытаюсь проскочить мимо него. Но в этот самый миг картина драки на стройке в моих глазах плавно съезжает в сторону, освобождая место для пристально смотрящего из темноты и что-то шепчущего старушечьего лица.

Что за черт! Я мотнул головой, и зрение восстановилось. Причем оказалось, что я продвинулся вперед на пару шагов и на моем пути, выставив перед собой короткую железяку и глядя на меня с испугом, стоит всего один хулиган. Делаю еще шаг вперед, но зрение вновь предательски съезжает на старуху, тут же перемещается на какую-то лесную поляну, где мужик в черной треуголке со шрамом в пол-лица презрительно кидает мне в лицо:

– Трус!

Снова отчаянно мотаю головой из стороны в сторону, возвращая себе вид на стройку, вытягиваю верную арматурину в направлении последнего противника и… всё! Опять оказываюсь в лесу!

Но на этот раз всё было по-другому, лесная поляна больше не была картинкой! Я не просто видел агрессивного мужика в треуголке, высоченные деревья, цветущие заросли какого-то кустарника и даже пролетевшую мимо бабочку – я был в лесу! Чувствовал запахи, слышал звуки, ощущал почву под ногами и рукоять шпаги в правой руке!

– Умри, тварь! – с этими словами обладатель колоритной внешности сделал стремительный выпад, целя клинком мне в лицо. Ничего себе! Какого черта!

Инстинктивно я отскочил назад, одновременно выставляя перед собой шпагу и пытаясь сообразить, каким это замечательным образом арматурина со стройки вдруг обратилась в шпагу! Почему-то в первую очередь меня занимал именно этот вопрос.

– Проклятый трус! Трус и предатель! – кажется, мужик со шрамом очень зол на меня и жаждет крови.

– Мужик, ты чего? – заорал я с перепуга, надеясь хоть чуть-чуть сбить нападающего с толку.

Тщетно! Тот лишь чертыхнулся и снова перешел в наступление, дважды попытавшись достать меня в запястье держащей оружие руки. Это он зря. Хотя фехтованием на спортивных саблях я занимался достаточно давно, но кое-какие навыки еще остались – так просто я не подставлюсь. Тем более что мы в лесу, а не на фехтовальной дорожке – места для маневрирования предостаточно.

Наконец-то удалось рассмотреть противника получше. Был он небольшого роста, худощавый, нос с горбинкой вкупе с колючим взглядом глубоко посаженных маленьких глаз придавали его лицу хищное выражение, а рассекающий правую половину лица от глаза до подбородка шрам дополнительно подчеркивал опасность своего обладателя. Одет он был в уже упомянутую черную треуголку, из-под которой виднелся беловолосый парик с заплетенной сзади косой, темно-зеленый кафтан до колен, такого же цвета штаны, то ли обрывающиеся чуть ниже колена, то ли просто заправленные в белые чулки, и черные башмаки. То есть чувак был в мундире! Какой эпохи, сказать затрудняюсь: петровской, елизаветинской, екатерининской или еще какой – не знаток я этой темы. Да и какая разница! Можно было бы прийти к выводу о попадании на съемки исторического фильма, но как-то уж слишком все натурально: и его желание убить меня, и явно хорошо заточенные тяжелые, минимум вдвое тяжелее спортивных, шпаги с обоюдоострыми лезвиями, которыми мы фехтовали.

Вернее, фехтовать пытался мой неприятель. Я лишь пятился назад, стараясь разрывать дистанцию при каждой его новой атаке, и лихорадочно раздумывал о том, куда я попал и что мне делать.

В сапогах хлюпала вода. Да, черт побери, я был в сапогах! А также в коричневых штанах, белой рубахе и расшитом какими-то узорами камзоле без рукавов. Вся одежда была мокрой, словно я в ней под душем стоял. Интересный штрих, но не самый замечательный во всей этой фантасмагории. И еще неслабо болела голова. О! А может, мне на стройке хорошенько двинули по ней и весь этот бред является всего лишь игрой моего воспаленного воображения? Я на мгновение остановился, пораженный этой мыслью, чем не преминул воспользоваться противник – острие его шпаги впилось мне в правое плечо.

Вскрикнув от боли, я инстинктивно прижал левую руку к месту укола. Вот черт! Нужно что-то делать с этим фехтовальщиком, как-то решать вопрос, пока меня

не порубили в капусту. Делая вид, что едва волочу шпагу, я спешно отступал по поляне, по дуге обходя растущую здесь же здоровенную сосну.

– Заканчивай с ним, Фризен! – неожиданно на поляну из густого подлеска вылез еще один носитель темно-зеленого мундира. – Времени мало!

О! Да их здесь много! Внезапно я обнаружил, что в лесу тут и там слышатся крики, стоит треск сухих веток и звон металла. То ли раньше вся эта окружающая суета происходила значительно дальше от места моего нахождения, то ли из-за всех происходящих со мной катаклизмов со слухом у меня стало не все в порядке, но понимание того, что лес наполнен людьми, пришло ко мне только сейчас.

– Уже недолго осталось! – тяжело дыша, ответил тот, кого назвали Фризеном, и воодушевленный нанесенной мне раной снова бросился вперед.

А дыхалка-то у товарища не железная – устал бегать за мной по полянке с железякой в руке! А как тебе вот это? Вместо очередного отступления я сделал шаг вперед, батманом отбил клинок противника в сторону в горизонтальной плоскости и нанес быстрый укол. Конкретной задачи, типа попасть туда-то, не ставил. Но так уж получилось, что попал пойманному на противоходе противнику точнехонько в горло.

«Упс, кажется, я убил человека», – мелькнула страшная мысль, и я испуганно попятился назад. Усач со шрамом выронил оружие, ухватился обеими руками за шею и опустился на колени, после чего сразу завалился на бок.

Из состояния ступора меня вывел звук выстрела и выбившая кусок коры из ствола сосны пуля. Следом мне пришлось увернуться от летящего в голову пистолета. Ну, а там уж и второй противник подоспел с перекошенным от ненависти лицом.

Он так размахнулся шпагой, словно хотел перерубить меня напополам, а я упустил момент, когда можно было поймать его на этом богатырском замахе, поэтому пришлось встречать летящий клинок сильной частью шпаги. На миг мы замерли пародией на памятник «Рабочий и колхозница», потом я сделал быстрый шаг вперед и ударил нападавшего лбом в лицо. Обладатель зеленого кафтана отшатнулся, давая мне возможность высвободить шпагу. Отскочив

назад, я парировал вялую попытку рубящего удара слева и тут же, что называется «на автомате», сделал выпад.

Противник упал с пронзенной грудью.

– Вот черт! – я оторопело смотрел на дело рук своих и отказывался верить в происходящее. А как? Скажите мне, как можно поверить в то, что ты пять минут назад отбивался на стройке от хулиганов, а теперь стоишь на лесной поляне над трупами убитых тобой мужиков в старинных мундирах? А может, все-таки это следствие полученного удара по голове? Может, меня еще раньше где-то приложили, еще до стройки, тогда и драка с хулиганами является частью видения? Ну, в самом деле, не просто же так голова болит и тонкой горячей струйкой по левой щеке стекает кровь? И эта версия хоть как-то объясняет все эти «переключения кадров».

– Князь! Живой!

– Слава богу, живой!

Мои измышления самым беспардонным образом были прерваны появившимися из лесу радостно голосящими людьми в синей форме. Это уж было слишком для моей бедной головы, я на участие в подобном безумии не подписывался! Силы резко оставили меня, в глазах потемнело, и все бредовые видения вмиг испарились.

2

Пробуждение было резким и тревожным. Вздрогнув всем телом, я открыл глаза и уперся непонимающим взглядом в низкий грязный потолок. Что еще за новости? Где я? Как здесь оказался? Затаив дыхание, осторожно пошевелил руками и ногами, повернул голову влево-вправо и позволил себе облегченно вздохнуть. Жив. Тело слушается. Уже кое-что.

Отчаянно кося глазами и, на всякий случай, стараясь производить как можно меньше шума, я стал осматриваться. Темные бревенчатые стены, земляной пол,

почерневшая от грязи и копоти русская печь. Сквозь задернутое плотной занавеской маленькое окошко с трудом просвечивают косые солнечные лучи. Не нужно быть пророком – сейчас либо рассвет, либо закат.

С потолка свисают связки чеснока и лука, две стены сверху донизу увешаны пучками сушеных трав, ими же завалена крышка стоящего в углу массивного деревянного сундука. Из стоящей посреди стола глиняной миски верх поднимается тонкая струйка пара. Заставив меня вздрогнуть от неожиданности, на стол бесшумно запрыгнул пушистый черный кот. Усевшись возле парящей миски, он безмолвно уставился на меня своими желтыми глазищами. Ни дать ни взять – апартаменты Бабы-яги. Чертовщина какая-то.

Из-за грубо сколоченной двери доносились приглушенные голоса. Вроде бы звучали они взволнованно, но, как я ни старался, как ни напрягал слух, разобрать хотя бы слово не удавалось.

Вопреки здравому смыслу мысли текли вяло и неспешно, никакой паники не было. Было лишь ощущение, будто я наблюдаю за происходящим со стороны. А ведь это неправильно! Необходимо срочно найти ответы на ряд вопросов. Что происходит? Что со мной случилось? Где я? Что с женой, детьми?

Поток моих безответных вопросов прервал препротивный скрип открывшейся двери. В комнату вошла та самая старуха, чье лицо мне было уже знакомо по вчерашней странной ситуации. Вчерашней? Не знаю, почему, но по моим ощущениям вся эта ерунда случилась именно вчера.

– Проснулся, касатик? Вот и хорошо! – ласково проворковала вошедшая, к слову, оказавшаяся не согбенной страшной старушенцией, а вполне опрятной и доброжелательной бабулей.

– Проснуться-то проснулся, – осторожно ответил я, принимая сидячее положение и попутно отмечая, что лежал на широкой лавке, застеленной звериными шкурами, – только вот проснулся во сне или наяву?

– Это хорошо, что ты не беспокойничаешь. Это хороший знак. Выпей-ка отвара, он придаст тебе сил.

– Не вели казнить, князь!

– Не вели казнить, кормилец!

Вслед за бабкой в помещение стремительно ворвались, бухнулись на колени и согнулись в поклоне до пола тощий мужичок с жидкой рыжеватой бородкой клинышком и невысокий широкоплечий крепыш, темноволосый и гладко выбритый.

– Прости, Михаил Васильевич! Не ждали засаду у себя-то в Холодном Уделе! – опасливо косясь на меня снизу вверх, добавил крепыш.

Я удивленно воззрился на новую картину. Как будто мало мне было загадок, а тут еще мужики какие-то, князь, Холодный Удел! Нужно было что-то сказать, ибо пауза явно затягивалась, и к чему это может привести, спрогнозировать весьма проблематично. Может, поймут, что я никакой не князь, и продырявят чем-нибудь – вон у крепыша к поясу шпага пристегнута! А может, решат, что нет им прощения, и начнут сводить счеты с жизнью прямо здесь, у моих ног!

Случайно встретившись с внимательным старушечьим взглядом, я вдруг отчетливо понял, что бабулька является здесь самым осведомленным человеком. И, будто удостоверившись в том, что я веду себя правильно, хозяйка избы – а это, несомненно, было ее жилище – пришла мне на помощь.

– Говорила же вам: обождать еще нужно! Михайло Васильевич десять дней и ночей между жизнью и смертью блуждал, почитай, от самых ворот в потусторонний мир вернулся и только глаза открыл, а вы тут со своими «прости» да «не вели казнить»! Ну-ка, брысь на улицу!

– Так как же? – заголосил было тощий.

– Ждите! Сейчас князь отвара целебного выпьет, вдохнет полной грудью, тогда и поговорите!

Бабка определенно была в большом авторитете – без всяких споров мужчины покинули помещение. А мне пришлось пить отвар. Был он чуть горьковатый, но вполне удобоваримый. Тошноту не вызывал, но и никаких положительных эмоций вроде прилива сил или необычайной ясности сознания не доставлял.

– Полегчало? – хозяйка отняла у меня опустевшую миску.

– С семьей что? – спросил я, глядя старухе в глаза.

– Всё хорошо с твоей семьей, – предельно серьезно ответила она, – и с тобой тоже всё хорошо. Ты не умер, ты не болен. Ты остался там, где и был. Но теперь будешь еще и здесь.

– Звучит как бред, ничего не понял, – я осторожно слез с лавки и прошелся из стороны в сторону, болезненно морщась в моменты наступления босыми ногами на частички мусора.

– Иди-ка сюда, – бабулька достала из складок одежды небольшое зеркало в простой деревянной рамке, – гляди, пока я еще могу связь поддерживать.

Предельно заинтригованный необычным предложением, я взял зеркало в руки. Изображение было слегка мутноватым, тем не менее, интерьер моей квартиры в нем легко угадывался. Вот только это была прихожая, а в данный момент она была пуста.

– Ты пальцем-то подвигай, – подсказала старушка в ответ на мой вопросительный взгляд.

Я недоверчиво хмыкнул, но промолчал. Пользуясь поверхностью зеркала, словно экраном планшета, я «перешел» в кухню, где обнаружил жену и дочь. Затем в детской комнате нашелся делающий уроки сын, а в зале, уткнувшись в экран ноутбука, сидел я собственной персоной. И картинка не была статичной, все персонажи двигались, жили своей обычной жизнью. Повинуясь сиюминутному порыву, я развернул и увеличил изображение таким образом, чтобы был виден нижний угол ноутбучного дисплея: девятнадцать пятьдесят шесть, двадцать четвертое апреля…

– Почему двадцать четвертое? – внезапно осипшим голосом спросил я – память отчаянно кричала, что вчера было тринадцатое.

– Долгим переход получился. Не на то я рассчитывала. Разбойники вмешались.

– Я реально десять дней провалялся? И как так может быть, что я и здесь и там? – я развернул зеркало изображением к всезнающей бабуле.

– Князь обречен был, болезнь его пожирала. Душа уже едва держалась в теле, а тут и удар по голове, и купание в ледяной воде, и ранение. Не выдержал горемычный… Теперь тебе за него придется быть.

– То есть как? – от всей услышанной бредятины да от перспективы оказаться в теле умершего человека мне реально поплохело.

– Как, как? Умер Михаил Васильевич Бодров, нет его больше. Теперь ты князем будешь! Тебя как величали-то?

– Сергеем, – механически отозвался я, от греха подальше присаживаясь на лавку.

– Так вот, Сергей. Меня зовут Настасья Фоминична, целительница я, знахарка. Понятное дело, кто-то ведьмою кличет. Князь ко мне ехал, последняя надежда для него была. Да не доехал. Хорошо, что у меня всё готово было – я как выстрелы в лесу услышала, так сразу и запустила процесс.

– Процесс чего?

– Подселения.

– О, господи! – я схватился за голову. – По-русски объяснить можешь?

– Это как? – оторопела Фоминична.

Куда я попал? Что со мной сделали? Почему именно со мной? Вот ей-богу, дурной сон какой-то! Только он никак заканчиваться не хочет. И интуиция мне подсказывает, что сон этот может быть для меня реально опасным и даже смертельным. Но, несмотря на чувство опасности и всю абсурдность ситуации, паники у меня не было. Непонимание было, а вот паника – нет. То ли в силу природной уравновешенности, то ли отвар бабкин роль сыграл, но я продолжал смотреть на происходящее словно бы со стороны, словно не со мной всё это происходит, а с похожим на меня героем фильма.

Так. Нужно прекращать гадать и задавать самому себе вопросы, на которые не могу ответить. Какова бы ни была ситуация, надо брать ее под контроль. Пока эта… целительница под рукой, необходимо выяснить как можно больше. На чем тут мы остановились? Она не знает, что такое «по-русски», хотя объясняется со мной на вполне понятном русском языке. Разве что он какой-то слишком правильный, под старину стилизованный, без современных словечек. Ладно, мы понимаем друг друга, все остальное – вторично. Попытаемся прояснить другие вопросы.

– Настасья Фоминична, – я привычным жестом взъерошил волосы, отмечая их увеличившуюся длину – стричься пора, – давайте-ка по порядку. Князь был болен и ехал к вам на лечение. Но не доехал, попав в разбойничью засаду. Пока всё правильно?

– Всё так! – кивнула головой знахарка.

– В то же самое время я там, – указываю пальцем на зеркало, – нарываюсь на шайку хулиганов, с которыми у меня завязывается драка. И вот, когда я уже почти вырвался от них и до спасения остается один шаг, я вдруг переношусь в лес, в чужой одежде, с чужим оружием. И мне приходится биться с чужими противниками. Потом из кустов полезли люди в синих мундирах, и я потерял сознание. А пришел в себя уже здесь, спустя десять дней. Тоже правильно?

– Всё правильно рассказываешь, родимый!

– Теперь вот объясни мне, родимая, – в тон собеседнице спросил я, – как всё это произошло?

– Князь наш чахоточный был. Да еще, похоже, травили его помаленьку. Так что я сразу поняла, что шансов вылечить его уже нет. То есть нет шансов вылечить по-обычному.

– А как?

– Ну, есть такой способ, меня учили когда-то давно. В другом мире нужно отыскать человека, душа которого совместима с больным. После чего отделяется маленькая часть души этого человека и помещается в нужное тело. Фокус заключается в том, что потерявший частичку души почти не замечает

потери, а получивший ее в другом мире, напротив, излечивается от тяжелых болезней и получает большой запас жизненных сил.

– За счет чего? – я скептически пожал плечами.

– Того не ведаю, – пожала плечами Фоминична, – то ли хвороба местная против другого мира бессильна, то ли процесс живительный сам по себе, но даже безнадежные больные выздоравливают. Ритуал тот давно известен, только сейчас уже умельцы перевелись. Может, я последняя и осталась. Тяжело это. И знания нужны, и сила немаленькая.

– То есть ты не просто целительница, – задумчиво протянул я, размышляя о том, как в этом мире поступают с ведьмами, – тут у нас колдовством попахивает. Князь этого стоил? Таких затрат и такого риска?

– Моя жизнь стоит этих затрат и этого риска, – усмехнулась хозяйка, – когда тебе грозят виселицей за отсутствие результата, выбирать не приходится.

– Понятно. И как же ты справилась? Ведь всё пошло не так.

– У князя еще хватило сил выбраться из реки и забраться в лес. Там он и умер. Связь между ним и тобой уже была установлена, но мне пришлось приложить еще больше сил, чтобы действовать на расстоянии. А частичка твоей души столкнулась с необходимостью осваивать всё тело. Потому и пробыл ты без сознания десять дней.

– М-да, похоже на байку из клиники для душевнобольных. И что же мне теперь князем быть? А если я не хочу?

– Так ведь у тебя, милок, выхода другого нет, – бабка ласково потрепала меня по голове, – либо ты князь Михаил Бодров, либо ты мертв.

– А назад меня никак нельзя отправить?

– В ближайшие лет десять я на подобные эксперименты точно не решусь. Да и к чему? Твоя частичка души уже заняла всё тело и стала душой полноценной. Отколоть от нее часть и отправить обратно? Остальное-то здесь останется.

– И то верно. Кругом засада получается, – я устало протер глаза, – но я ведь ничего не знаю про князя. У меня нет его знаний и памяти. Я как новорожденный ребенок в этом мире.

– Это верно. Но тут уж ничего не поделаешь. Спишем полную потерю памяти на тяжелое ранение.

3

Каурая лошадка не спеша вышагивала по каменистой тропинке. Близился полдень, и скупое осеннее солнце наконец-то прогрело воздух. Управляющий князя Бодрова Афанасий Кузьмич Сушков отер рукавом кафтана выступивший на лице пот и нервно оглянулся. После апрельских злоключений пятеро вооруженных охранников не казались ему достаточно надежной защитой. Тогда неожиданное нападение разбойников едва не отправило на тот свет князя Михаила Васильевича, между прочим, последнего в роду Бодровых.

Разбойники. Да какие там разбойники! Семеро душегубов даже не удосужились переодеться – так и щеголяли в форме второго иноземного пехотного полка. Остальные хоть и не в мундирах были, но тоже оказались вполне узнаваемыми однополчанами графа Воротынского – тот вечно с фрадштадтцами якшался. Конечно же всех их объявили дезертирами, но разве от этого легче?

А ведь Афанасий столько раз советовал князю избегать общества царевича Алексея и графа Андрея Воротынского, да куда там! Разве ж холопов слушают. Вот и допились-догулялись приятели: под обвинение в заговоре попали! Царевич, понятное дело, отделался легким испугом. Бодрова в годичную ссылку отправили в ненавистный Холодный Удел, что при его-то здоровье было равносильно смертному приговору. А Воротынский на каторжные работы угодил сроком на пять лет.

Оно и понятно – будь дело серьезным, отрубили бы головы прилюдно, и делу конец. А тут по пьяному делу раздухарились удальцы, наболтали лишнего, вот и проявил царь-батюшка великодушие. Только Воротынскому его связи с Фрадштадтом боком вышли – что-то там при обыске в его переписке нехорошее вскрылось. Но он отчего-то на князя нашего осерчал, мол, тот оговорил

сотоварища перед следствием, потому и нагрянули к нему с обыском. Вот вам и повод для мщения, а предприимчивых родственников и друзей у графа предостаточно.

Тропа обогнула скалу, и настороженному взору Сушкова открылся вид на зажатую со всех сторон горами маленькую долину. Вся ее северная сторона поросла хвойным лесом, бодро карабкавшимся с равнины вверх по склону. Вытянутая в длину средняя часть представляла собой практически ровное поле, а низменную южную сторону делил на две части небольшой ручей. На самой границе леса и поля у подножия одинокой скалы был разбит маленький палаточный городок. В поле на хорошо утоптанной площадке стояли четыре пушки и две короткоствольных гаубицы, вокруг суетилась орудийная прислуга.

Афанасий Кузьмич поморщился. Мало того что неуставные две пушки и гаубицы были куплены за немалые деньги, так еще и боеприпас приходилось постоянно пополнять – видите ли, бомбардирам пристрелять орудия нужно. Так сколько ж можно пристреливать? Эдак и все деньги можно растратить на порох, да на ядра, да на гранаты. А деньги эти, между прочим, нелегко достаются. И он лично, Афанасий Сушков, бывает, недосыпает и недоедает за расчетами да за мыслями: где бы еще сэкономить да где бы еще заработать.

Хотя эти упреки не совсем справедливы. Князь после того ранения совсем другой стал. Раньше-то, несмотря на свое слабое здоровье, вел беспорядочный образ жизни, гулял и кутил напропалую, пытаясь ни в чем не отставать от дружков своих. Да только дружки-то его – младший царевич Алексей да граф Воротынский – в состоянии за день золота потратить больше, чем весь Холодный Удел дохода приносит за год, где уж с ними тягаться. Но последний представитель рода Бодровых разумных доводов слышать не хотел и просто требовал от своего управляющего денег. А когда получал отказ, приходил в ярость, кричал, топал ногами и не раз вырывал клочья из бороды Афанасия Кузьмича. Лишь будучи уже здесь, на севере, в ссылке, князь Михаил стал немного спокойнее. Но объяснялось это скорее отсутствием привычной компании да усилившейся чахоткой, нежели изменением образа мыслей молодого человека.

Зато после покушения ситуация изменилась кардинальным образом. Михаил Васильевич напрочь потерял память и за прошедшие с той поры почти полгода так и не смог вспомнить ни одного человека, ни одного дня из своей жизни. Пришлось в срочном порядке вводить его в курс дела: своими словами

рассказывать историю жизни, описывать и давать краткую характеристику окружающим, да что уж там – хозяина пришлось заново учить нормально разговаривать и правильно писать, ездить верхом и стрелять из пистолета! Господи ты, боже мой! Да если б Афанасий с командиром княжеской охраны Игнатом Лукьяновым не сидел безотлучно при Михаиле Васильевиче все те десять дней и ночей, что тот провел между жизнью и смертью в избе бабы Насти, то первым обвинил бы знахарку в колдовстве! Это ж мыслимо ли – словно подменили человека! Но всё, что делала Настасья Фоминична, – осторожно вливала больному в рот травяные отвары да мясной бульон и обтирала уксусом, когда поднимался жар.

Страшно переволновались они тогда с Игнатом. Как ни плох был князь Михаил, а всё ж таки родной, вдоль и поперек изученный и привычный. И лучше уж терпеть его выходки, чем остаться без покровителя. И бог услышал их молитвы! Князь не только выкарабкался, но и избавился от проклятой чахотки. А взамен потери памяти приобрел спокойный нрав и рассудительность! К окружению своему, да и в общем к людям, Бодров стал относиться гораздо лучше, уважительнее. Быстро учился, вникал в дела по управлению Холодным Уделом и даже давал ему, Афанасию Сушкову, дельные советы. А уж как взялся за порученное ему царем Иваном Федоровичем формирование Белогорского пехотного полка! Афанасий-то по привычке готовился взвалить это дело на свои плечи, ан нет, князь с Игнатом всё сами делают, ему только заказы оплачивать приходится. Суммы, конечно, печалят, но лучше уж на дело тратить, чем на водку, цыган да девок гулящих.

За этими размышлениями Афанасий с сопровождающими достиг палаточного лагеря. Как ни напрягал управляющий глаза, как ни вертел головой по сторонам, но никаких признаков наблюдения за собой так и не обнаружил. Часовые в лагере тоже отсутствовали. Редкая безалаберность со стороны Игната!

– Лукьянов! Вы тут совсем расслабились? – с ходу набросился он с претензиями на вышедшего навстречу княжеского телохранителя, щеголявшего в новенькой унтер-офицерской форме. – Где часовые? Где охрана?

– Сушков! Чего так много шума от тебя? – Игнат не спеша раскурил трубку и только после продолжил, поучительно подняв палец вверх: – Если ты чего-то не видишь, это еще не означает, что этого чего-то нет. Пластуны засекли тебя еще три часа назад, у Мокрой скалы. Могу в подробностях поведать: в каком порядке шел твой отряд, где останавливались воды попить, а где помочиться. Начинать?

– Умеешь ты, Игнат, настроение испортить! – вмиг поскучневший Афанасий поспешил перевести разговор на другую тему. – Князь-то где?

– Гуляет, – беспечно махнул рукой Лукьянов, – велел не беспокоить.

– Что? Один гуляет? Да ты что, белены объелся? Забыл, что в апреле случилось?

– Да прекрати орать! – недовольно поморщился унтер. – В долину только две тропы ведут, обе под присмотром. У нас тут чужие не ходят.

– А зверье?

– Зверье тоже только свое, проверенное, – усмехнулся Игнат, – стадо диких свиней сразу ушло, едва мы лагерь разбили. Через неделю медведь не выдержал постоянного грохота пушек, сбежал. Остались только белки, зайцы да лисицы.

– На все-то у тебя ответ есть, – в сердцах махнул рукой управляющий, – а я вот с тех пор готов на воду дуть, лишь бы подобного не повторилось.

– Будет тебе, Кузьмич, – ласково обняв товарища за плечи, Лукьянов повел его к грубо сколоченному столу, стульями при котором служили обычные пеньки. – Не беспокойся, князь нынче другой стал.

– Как он? Вспомнил хоть что-нибудь? – участливо поинтересовался Сушков, принимая из рук Игната кружку с квасом.

– Мне кажется, что плюнул Михаил Васильевич на это занятие, – задумчиво ответил тот, раскуривая трубку, – да и правильно, чего горевать по прошлому? Нужно жить дальше. Бог даст, вернется память со временем, а не даст – значит, так тому и быть. Стало быть, так нужно. Да и, положа руку на сердце, – Игнат понизил голос и склонился поближе к уху Афанасия, – я не очень-то хочу, чтобы князь всё вспомнил и стал прежним.

– Да я с тобой, Игнатушка, вполне согласен, – так же тихо промолвил управляющий, – ничего бы страшного, коли бы нам из Холодного Удела никуда не выезжать. Да уже бумага пришла из столицы – требуют князя Михаила назад,

пришла пора полк государю предъявлять. А в столице сам понимаешь, что начнется, когда про все странности бодровские слух пойдет.

– Да с чего? Про покушение все знают и про то, что между жизнью и смертью десять дней блуждал, – тоже все знают. Радоваться нужно, что вообще жив остался!

– Да пойми же ты, Игнатушка, в Ивангороде некому радоваться ни переменам в Михаиле, ни тому, что он жив остался! Сомневаться будут, подмену подозревать. А уж если прознают, кто князя нашего почитай с того света вытащил, так тут и в ереси обвинят, и в колдовстве, ты церковников столичных знаешь.

– Это да, тут ты прав, Кузьмич, – сдвинув треуголку на лоб, Игнат задумчиво почесал затылок, – я бы сам заподозрил, если бы не тащил его сиятельство на себе к бабе Насте, да не сидел там безвылазно десять дней.

– То-то и оно! Тяжело нам придется в столице!

– А ничего, прорвемся! – выпустив вверх кольцо дыма, безмятежно заявил унтер. – Ужель государь да царевич Федор за собранный полк не похвалят? Скажу я тебе, Афанасий, неплохой полк получается. Даже майор Торн доволен, хотя на людях ругается и строит страшные рожицы.

– Тьфу, собака иноземная, – сердито сплюнул Афанасий, поддерживавший общую нелюбовь народа к зазываемым на службу иностранцам.

– Да брось ты, нормальный он мужик!

– Всё бы тебе, Игнат, шпагой махать да из ружья палить, – Сушков укоризненно покачал головой, – лучше бы думал, как князя от неприятностей огородить!

– Сушков! – пессимистичный настрой управляющего наконец-то вывел из состояния душевного равновесия даже обычно выдержанного Лукьянова. – Что ж ты, словно птица ворон, всё каркаешь да каркаешь? Еще не случилось ничего, а ты все одно: кар да кар! Накличешь беду, окаянный!

– Есть еще две новости, – Афанасий Кузьмич тяжело вздохнул, оставив без внимания словесный выпад Игната, – Калашников в Белогорске о встрече просит. А позавчера в город прибыл Сахно.

– Калашниковым ты мне голову не забивай. А вот Сахно – это уже серьезно!

Купец Юрий Иванович Калашников входил в число богатейших людей Таридии, основу его благосостояния составляла торговля фрадштадтскими зеркалами, на которую ему удалось в свое время добиться монополии. За щедрые добровольные взносы на обустройство армии царем Иваном Шестым было ему пожаловано личное дворянство. Тут бы купцу-дворянину и успокоиться, но Калашников привык все свои дела вести с размахом. Тем более что подвернулся удобный случай – выручил он деньгами совсем еще юного тогда наследника рода Бодровых, попросив взамен «сущую безделицу» – жениться на его старшей дочери. Можно понять новоиспеченного дворянина, стремящегося породниться с одним из старейших княжеских родов страны. И растущего без родителей тринадцатилетнего князя, хозяина обширных, но бедных земель Холодного Удела, тоже можно понять. Сложнее Афанасию было понять согласие на этот брак опекуна Михаила. А опекуном-то, между прочим, выступал сам царь Иван Федорович. Видимо, уж очень сильно государь нуждался в деньгах, раз счел подобное решение уместным. Так что помолвка состоялась. Но очень скоро выяснилось, что в данном случае чутье подвело удачливого торгаша – князь рос чрезвычайно болезненным, взбалмошным и самовлюбленным. К серьезному делу интереса не проявлял, зато в развлечениях и денежных тратах старался ни в чем не уступать дружкам, среди которых выделялся младший царевич Алексей. Будущего тестя Михаил воспринимал лишь в качестве снабжающего его деньгами кошелька. Калашников же сам был человеком самолюбивым и властным, к подобному отношению не привык, потому уже после первых «займов на будущее» стал держаться от Бодрова на приличном расстоянии, благо, что дочери на тот момент исполнилось всего пять лет. Но чем взрослее становилась невеста, тем активнее Юрий Иванович предпринимал попытки разорвать помолвку. Таким образом, минуло уже девять с лишним лет. А теперь вот весть о том, что Бодров сам не свой после покушения, дает Калашникову отличный шанс попытаться исправить давнюю ошибку.

Ну да бес с ним, с купцом. Сушков сам давно убеждал Михаила Васильевича отказаться от несоответствующего его статусу брака, который мог прибавить богатства, но не таких необходимых при дворе связей. Но Бодров все медлил, раздумывал, сомневался. Эх, что нужда в золоте с людьми делает!

Как бы то ни было, вопрос с Калашниковым сейчас казался довольно просто решаемым. В сложившихся обстоятельствах тот сам должен быть озабочен разрывом помолвки. Гораздо сложнее с господином Сахно.

Поручик третьего Ивангородского драгунского полка Владимир Сахно был известным на всю страну дуэлянтом, с удовольствием «продававшим» свою шпагу владельцам тугих кошельков. И его появление в Белогорске могло означать только то, что в ближайшее время там намечена дуэль с его участием. Вопрос же о том, кто может оказаться мишенью Сахно, ни у Сушкова, ни у Лукьянова сомнений не вызывал. И это действительно серьезная проблема, ибо спровоцировать дворянина на дуэль очень легко, а драться с дуэлянтом-поручиком на шпагах – это дело, заранее обреченное на провал.

– Вот что, Афанасий, – решительно заявил Лукьянов после недолгих раздумий, – князь сейчас фехтует так, что любо-дорого смотреть, не в пример лучше прежнего. Но рисковать не стоит, Сахно я из Белогорска удалю. А с Калашниковым, будь добр, разберись сам.

– Добро, Игнат, так и поступим. Нам князя беречь нужно, и так мы его чуть не лишились полгода назад.

4

– То есть вы, Юрий Иванович, предлагаете разорвать помолвку? Я вас правильно понял?

Я с интересом вглядывался в подаренное мне Калашниковым зеркало. Оно было достаточно большое, примерно полметра в ширину и полтора в высоту, вставленное в фигурную деревянную раму и очень качественное. Пожалуй, качество даже было сопоставимо с зеркалами из моего мира. И, несомненно, это было лучшее произведение мастеров-зеркальщиков, виденное мною в новой реальности. Или в новом мире, как правильно? Я с этим пока не разобрался, и было совершенно непонятно, смогу ли разобраться вообще. Да и нужно ли разбираться? Спору нет – вопрос интересный, но ломать голову над поиском скорейшего ответа не было особого желания. Я понимал, что нужно жить, что называется, здесь и сейчас, исполняя роль Михаила Бодрова, а не биться в

истерике, требуя вернуть меня обратно. Объяснения так называемой «целительницы» бабы Насти я принял на веру, хотя время от времени приступы беспокойства за семью накрывали меня с головой.

Трижды за прожитые здесь полгода я посещал жилище Настасьи Фоминичны с просьбами показать меня, жену и детей в том, прежнем, привычном мире. Дважды она выполняла мои просьбы, на третий раз уже не смогла. Правда, заверила, что раз я здесь чувствую себя хорошо, значит, и там у меня тоже все хорошо. Мол, чем лучше у меня здесь будут идти дела, тем лучше будут идти дела там у меня того, настоящего. Может, и есть в этом какая-то логика, но больше похоже на внушение из разряда «иди, работай – и будет тебе счастье».

Собственно говоря, какой у меня выбор? Либо свести счеты с жизнью, либо быть князем. Как-то второе мне улыбалось больше. Тем более что попал я в Таридию – русскоязычное царство, протянувшееся от Северного до Южного моря аккурат посреди континента, в эпоху, примерно соответствующую концу семнадцатого – началу восемнадцатого века на Земле. То есть в то время, когда благородное происхождение давало весомые преимущества перед простолюдинами. Таридия сильно уступала в размерах Российской империи, хотя и считалась довольно крупным государством. Но крупность эта была из разряда «одна из многих», поскольку все соседние государства были сопоставимы по размерам. Впрочем, нынешние размеры наглядно отражали тот факт, что прошедший век царство никак не могло занести себе в актив, поскольку все соседи – Силирия, Улория, Тимланд – всё это время планомерно откусывали для себя части его территории. Дошло до того, что жизненно важный выход к Южному морю сжался до каких-то двухсот километров, да и на те претендовало агрессивное Улорийское королевство. В общем, положение у таридийского монарха было незавидное, и, чтобы исправить его, требовалась фигура масштаба Петра Первого. Только вот царь Иван Федорович из династии Соболевых Петром Великим точно не был. Нет, он был неплохим государем, но далеко не выдающимся. Зато звезда его старшего сына Федора все ярче сверкала на политическом небосводе. Царевич был умен, решителен, амбициозен. Именно с его подачи были проведены реформа государственного управления и денежная реформа. В настоящий момент в самом разгаре была реформа армии. Если кто и вернет в ближайшем будущем славу Таридии, так это наследник престола Федор Иванович.

Ну, а я с большим интересом понаблюдаю за этим процессом, раз уж оказался в данное время в данном месте. И желательно бы немного со стороны. Только вот боюсь, что со стороны не получится, затянет меня в самое сердце интриги.

Сделав несколько шагов назад, я полностью втиснул свое отражение в зеркало. Повернулся левым боком, правым, затем спиной – м-да, хорош! Впервые появилась возможность нормально рассмотреть «нового себя». Тело мне досталось молодое, чуть пониже прежнего и более субтильное. Михаил человеком был болезненным и не утруждающим себя никакими физическими нагрузками. Черты лица самые обычные: нос прямой, глаза серые, подбородок с ямочкой, которая, по утверждениям физиономистов, указывает на упрямство персонажа. Волосы светло-каштановые. Ничего, жить можно.

Еще бы к дурацкой одежде привыкнуть! Белая сорочка, короткие штаны, бордовый камзол с причудливой вышивкой, белые чулки и туфли с пряжками! Бр-р! Как к такому привыкнуть? Слава богу, что ношение парика не было обязательным – я ухватился за эту необязательность словно утопающий за соломинку.

– Великолепное зеркало! – на всякий случай я прикоснулся к поверхности кончиками пальцев, попытавшись «сдвинуть» изображение, словно на экране сенсорного гаджета – у Фоминичны-то двигалось! Но нет, похоже, что чудеса закончились, зеркало оказалось просто зеркалом.

– Да, ваше сиятельство, – с готовностью подтвердил купец, – из Фрадштадта привезено вам в подарок!

Разговор не клеился. Явно чувствуя себя не в своей тарелке, Калашников был слишком напряжен, и каждое слово давалось ему с превеликим трудом. А уж от фразы о подарочном зеркале беднягу и вовсе бросило в пот – судя по полученным мною сведениям, за такой подарок можно было спокойно купить небольшое поместье. И к этому нужно приплюсовать те суммы, что князь без зазрения совести брал в долг у незадачливого кандидата на звание своего тестя.

– А что, Юрий Иванович, можно ли у нас такие зеркала делать? – я тоже толком не знал, как себя вести с представителем купечества, поэтому попытался перевести разговор на тему, в которой собеседник мог чувствовать себя свободнее.

– Да бог с вами, Михаил Васильевич, – глаза Калашникова округлились от удивления, – куда нашим-то криворуким? Тут и рецептура секретная, и

мастерство запредельное, а у нас хоть бы научились прилично простое стекло делать.

– Так что в Таридии вовсе зеркальщиков нет? – кажется, я промахнулся, задав вопрос, ответ на который был известен любому младенцу. По крайней мере, Сушков беспокойно заерзал на стуле в своем углу, а во взгляде купца я прочел мрачную решимость идти до конца – он только что окончательно уверился в моем слабоумии.

– Зеркала, князь, нигде кроме Фрадштадта не делают.

– Жаль, можно было бы неплохо заработать, – ответил я, отмечая в уме, что чуть позже нужно будет поинтересоваться этим вопросом.

Историей я всегда интересовался, правда, в основном мой интерес концентрировался на сражениях и войнах, а не на развитии производства, но то, что долгое время зеркала были большой ценностью, я знал. И помнил, что крупнейшим центром производства зеркал являлась Венеция. Время могу сопоставить только примерно, но определенные параллели с моим миром уже прослеживаются – что-то в районе петровской эпохи плюс-минус полста лет. Пока не знаю, что это мне дает, но знания лишними не бывают.

Вообще нужно признать, что все проведенные здесь полгода меня сильно мучил вопрос моей состоятельности. В свое время я прочел множество книг в жанре альтернативной истории и попаданчества. И везде едва попавшие в другой мир или в другое время герои, используя знания и навыки людей двадцать первого века, засучив рукава, немедленно принимаются за работу. И все-то у них получается, во всем им сопутствует успех: кто-то «изобретает» бездымный порох, кто-то «открывает» пенициллин, кто-то бросается развивать самолетостроение, а кто-то совершенствует боевые корабли, кто-то бросается захватывать бесхозные пока участки земли с огромными запасами золота или нефти, а кто-то строит оружейные заводы и поднимает сельское хозяйство. Смотри-ка, какой талантливый народ нас окружает в повседневной жизни! Кого ни забрось в непривычные условия чужой реальности, все проявляют себя с наилучшей стороны! А я вот, бестолочь такая, сколько ни смотрю по сторонам, ничего умного в голову не приходит! Остается лишь утешать себя тем, что сначала нужно пройти период адаптации, привыкнуть к окружающей среде, а потом уж меня обязательно «прорвет» на гениальные откровения.

Потому информацию о зеркалах я взял на заметку. Если уж их производство окутано таким пологом тайны, то стоит подумать о засылке в этот самый Фрадштадт шпионов, чтобы попытались узнать по данной теме все, что можно. Если, конечно, у меня найдутся эти самые шпионы. Как некстати Игнат недельный отпуск взял! Сейчас, пока свежо в памяти, обсудили бы с ним – может, кого-то из пластунов есть резон использовать? Ну, да ладно, поговорим, когда вернется.

– Хорошо, Юрий Иванович, прекратим ходить вокруг да около, хотите разрыва помолвки? Я не против. У меня скопились долги перед вами, если не ошибаюсь, сумма составляет шесть тысяч триста сорок четыре рубля, – дождавшись молчаливого кивка головой Калашникова, я продолжил: – Половину суммы Афанасий Кузьмич выдаст вам прямо сейчас. За второй половиной приходите в Ивангороде через месяц, – никакой издевки в моих словах не было, поскольку торговец давно уже жил в столице и оттуда же предпочитал вести свои дела.

– Нет-нет, Михаил Васильевич, – мой собеседник наконец-то сумел справиться с изумлением, – поскольку я являюсь инициатором разрыва, то должен возместить вам ущерб. Таковы правила.

Это было действительно так, но я должен был предложить – не люблю быть должным кому бы то ни было. Активно отговаривавший меня от этого шага Сушков едва слышно выдохнул с облегчением. Но денежные долги – это еще не всё. Я рассчитывал, что Калашников мне сможет пригодиться в будущем. А потому кроме списания долгов договорились еще об оказании мне нескольких услуг информационного свойства. Что мне могло потребоваться, Юрий Иванович представить толком не мог, но никакой угрозы своему состоянию в таком требовании не усмотрел и, недолго думая, согласился.

Уже после того как мы ударили по рукам, я озвучил свою первую просьбу – подыскать грамотных рудознатцев для обследования территории Холодного Удела и окрестных гор на севере страны. В полезных ископаемых я ничегошеньки не понимал, но в то, что их совершенно нет в горах, категорически не верил.

Да-а. Окажись на моем месте «нормальный», «правильный попаданец», уже давно бы под пнутым наудачу камнем обнаружил богатейшую золотую жилу или россыпь алмазов. А у меня вот как-то не получался подобный фокус. По всей видимости, мое везение заключалось в возможности жизни в теле молодого

князя Бодрова. Справедливости ради стоит отметить, что, даже попадись на моем пути золотая жила или алмазное месторождение, я бы запросто прошел мимо. Потому что и в этом никогда не разбирался. Вот такой я непутевый попаданец – ни бриллиант с земли подобрать, ни пулемет изобрести. Ну, да ладно, уж какой есть.

Когда весьма довольный самим собой Калашников удалился восвояси, мы с Сушковым еще некоторое время посудачили о нем, порассуждали на тему мотивов его поступка и порадовались удачной сделке. То, что мне эта помолвка со вчерашней купеческой дочерью не нужна, было абсолютно ясно, но чтобы вот так просто разрешить вопрос без материальных потерь да еще оставить известного своей хваткой нувориша в положении должника – это можно было считать удачей. Впрочем, мой управляющий утверждал, что Юрий Калашников подыскал для своей дочери более выгодную партию – ходил слух, что якобы сговорились они породниться с семейством Чемезова. А Чемезов тоже был купцом, недавно получившим дворянство из царских рук. Вот и правильно, они одного поля ягоды, так и пусть роднятся между собой.

Афанасию я ничего говорить не стал, но про себя ехидно усмехнулся несуразности этой ситуации. Человек богаче меня раз так в пятьсот, а поди ж ты – брак с его дочерью будет ущемлением именно моего достоинства. О времена! О нравы! Придет время, когда ситуация перевернется с ног на голову, но не сейчас, не сейчас.

Кузьмич умчался решать вопросы с покупкой лошадей для полковых фургонов. А я попытался в очередной раз «влезть» в память князя. Как и прежде, безрезультатно. Память Михаила Бодрова в данном теле отсутствовала напрочь, поэтому ни единого факта из его жизни я вспомнить не мог. И это являлось громадной проблемой, ибо в каждом человеке существуют тысячи маленьких мелочей, которые идентифицируют его для окружающих: все эти взгляды, движения, интонации, привычки. А у меня нет ничего для подтверждения личности князя. Я совершенно другой человек: по-другому говорю, по-другому двигаюсь, по-другому думаю. Удастся ли объяснить произошедшую с Бодровым метаморфозу последствиями ранения? Ладно еще здесь, на севере, где общаться приходится в основном с княжеской челядью и малознакомыми людьми из Белогорска, но со дня на день предстоит отправляться в столицу, а в Ивангороде князя знали слишком многие, там острых ситуаций не избежать.

И как, скажите на милость, выкрутиться из этой ситуации? Ведь я даже не знал, в каком качестве должен появиться в Ивангороде: полковника Белогорского полка или обычного «гражданского» князя? Дело в том, что поручение знатным людям формировать новые полки было обычной практикой пытающегося создать боеспособную армию Ивана Шестого. Наследник престола царевич Федор сформировал уже два пехотных полка и один драгунский, назначив в них командирами доверенных людей. Князь Григорянский сформировал Зеленодольский пехотный полк и был назначен его полковником. Граф Воронцов набрал Клинцовский драгунский полк и стал его командиром. Но распространится ли эта практика на опального Бодрова? Насколько осерчал государь на своего воспитанника? Как он вообще относился к Михаилу? Договаривались ли они с князем о чем-то на словах? Ответов на эти вопросы у меня не было. А поскольку никакого документального подтверждения о моем назначении командиром полка не было, то я и боялся попасть с этим делом впросак. Уж мне ли не знать, кем является человек без бумажки.

Поеду в столицу в гражданской одежде, а там уж попытаюсь сориентироваться. По крайней мере, за сам полк краснеть не придется – к этому делу я отнесся со всей ответственностью. Тем более что каждодневная рутинная работа отлично отвлекала мою голову от дурных мыслей. Я старался принимать участие в решении любых вопросов – от набора и обучения рекрутов до качества пищи и вооружения. И здесь нашел-таки несколько проблемных мест, где благодаря своим знаниям и личным средствам удалось внести кое-какие улучшения.

Самой большой моей удачей на этом поприще стала переделка штыка. Существовавший здесь штык вставлялся прямо в ствол фузеи, в народе именуемой просто ружьем. Подобная конструкция ровно вдвое сокращала возможности солдата-пехотинца, заставляя заранее делать выбор между стрельбой и штыковой атакой, а решение проблемы настолько лежало на поверхности, что я поначалу никак не мог поверить в то, что окружающие не видят этого. Каким бы невероятным ни казался этот факт, но в земной истории происходило то же самое – лишь спустя несколько десятилетий после изобретения штык стали насаживать на ствол ружья. Не знаю, сколько лет здесь прошло с момента принятия на вооружение штыка, но с моей стороны было бы большой глупостью не воспользоваться ситуацией. Так что кузнецы Белогорска готовы были на руках меня носить после получения заказа на переделку тысячи штыков.

Узнав о том, что в полках царевича Федора держат помимо двух уставных пушек еще две-три дополнительные, я тоже решил проявить инициативу, справедливо рассудив, что многочисленная артиллерия лишней никак не будет. С этой целью я за свои кровные деньги приобрел еще две пушки и две гаубицы, позволявшие вести стрельбу по навесной траектории. Ну и на боеприпас пришлось потратиться – должна же быть практика у пушкарей.

Не знаю, как у кого, но у меня на основе исторических книг и фильмов сложилось впечатление, что в семнадцатом-восемнадцатом веках пушки стреляли исключительно ядрами, взрывавшимися в гуще врагов и поражавшими живую силу противника взрывной волной и массой осколков. Всё было совсем не так! Такие снаряды были, но назывались они бомбами, взрывались не когда ударялись о землю, а когда догорал фитиль, и считались весьма дорогим и ненадежным боеприпасом. Поэтому в основном во вражеские ряды швырялись цельные чугунные ядра, тупо сносившие на своем пути любые препятствия, будь то люди, кони или легкие защитные заграждения. Стрелять полагалось по пологой траектории, чтобы ядро могло сбить как можно большее количество врагов, а потом, срикошетив от земли, продолжить свое черное дело. Впору было вспомнить старый анекдот о каучуковой бомбе, которая «продолжает прыгать». Кроме бомб и ядер были еще зажигательные снаряды – брандскугели – и картечь – для близко подошедшей пехоты или конницы.

Настильная стрельба весьма ограничивала дальность полета снаряда. Чтобы стрелять дальше, нужно было задирать ствол пушки, но посланное навесиком ядро не рикошетило, зарываясь при падении в землю и теряя свою поражающую способность. Я рассудил, что положение смогут исправить гаубицы, имеющие возможность стрелять как по пологой, так и по навесной траектории, но из-за низкого качества бомб желаемого прогресса пока добиться не удавалось. Ничего, поэкспериментируем с фитилями и количеством пороха – авось найдется оптимальное решение.

Ну и еще я взял на себя смелость докупить в полк фургонов и лошадей к ним, ведь чем больше в моем подразделении будет колес, тем мобильнее оно будет.

Наказуема ли в этом мире и в этой стране инициатива, я должен был узнать в скором будущем, по приезде в Ивангород. До отъезда в столицу оставалось всего два дня.

5

Столица произвела на меня крайне неприятное впечатление. Глядя на кривые и грязные улочки Белогорска, я всегда помнил, что это небольшой провинциальный городок, и с готовностью прощал ему и непродуманную застройку, и неухоженность. От Ивангорода ожидал гораздо большего. Не сплошных дворцов с фонтанами и аккуратными лужайками, но хотя бы широких и чистых улиц. Нет, все оказалось не так. Город мало чем отличался от центра северной провинции страны, разве что был раз в десять больше.

За разросшимися во все стороны посадами уже с трудом угадывались обветшалые городские стены. Улицы были замысловато кривыми и узкими. Та, по которой мы въехали в город, являлась продолжением северного тракта и только поэтому была замощена потемневшей от осадков и времени доской. Боковые улочки подобной чести не удостаивались.

Заборы и стены убогих, крытых соломой домов сжимали жалкую «транспортную артерию» с боков, а балконы редко встречающихся двухэтажек нависали в опасной близости над головами хаотично двигающихся с черепашьей скоростью всадников и пешеходов. По крайней мере, в этой части Ивангорода с движением творилось полное безобразие, благодаря которому моей карете пришлось тащиться почти час только до ворот во внутренний город. За стеной ситуация немного изменилась – дома стали-таки побогаче и поопрятнее, но узость улиц, а также грязь и мусор на мостовой никуда не делись. Только на подступах к внутренней крепости, так и называвшейся «Крепость», улицы чуть раздались вширь, а мостовая укрылась камнем.

Охранявшие въезд в Крепость часовые пропустили карету внутрь, довольствуясь всего лишь голословным утверждением кучера о том, что, мол, прибыл князь Бодров собственной персоной. Проходной двор, да и только!

Карета «подрулила» к парадному входу, где мы с Сушковым вышли. Игнат с кучером и лакеем покатили к черному входу разгружать сундуки с вещами. Я с опаской бросил взгляд на широкую лестницу, обрамленную мраморными перилами с точеными балясинами.

По лестнице вверх и вниз фланировали разряженные в пух и прах дамы и кавалеры, и взгляды большинства из них уже были прикованы к моей скромной персоне. Интересно: это именно Бодров так популярен у подножия местного Олимпа или просто в отсутствие Интернета и телевидения любое событие является развлечением? Как-то не учел я этого, хотелось бы появиться в царском дворце более скромно. Внезапно меня охватило жгучее желание осмотреть двор Крепости, я повернулся к парадной лестнице спиной и буквально нос к носу столкнулся с молодой темноволосой дамой.

Она куда-то спешила, полностью поглощенная своими мыслями, и, скорее всего, рассчитывала обойти меня стороной, да я так не вовремя развернулся. Застигнутый врасплох, я так и не нашел, что сказать, девушка тоже не произнесла ни слова, только вздрогнула от неожиданности, а потом выражение ее лица из сосредоточенного резко перетекло в опасливо-брезгливое. Ни приветствия, ни извинений – дамочка так и помчалась вверх по лестнице, аккуратно подхватив подол красного платья, а я удивленно смотрел ей вслед, озадаченный неприятной метаморфозой, приключившейся с ее хорошеньким личиком при виде меня. Не вызывал сомнений тот факт, что она была знакома с Бодровым и, определенно, он ей не нравился.

Мои размышления по данному поводу оказались прерваны самым беззастенчивым образом. От появившейся откуда-то сбоку группы блестящих придворных отделился молодой офицер и громко, так, чтобы услышали не только сопровождающие, но и все находящиеся во дворе, воскликнул:

– А-а! Наш князенька прибыл! Жив и здоров! А что паразиту сделается? – повернувшись к друзьям за поддержкой, он дождался одобрительного взрыва хохота от компании и продолжил: – Как самочувствие? Не растрясло ли в дороге?

– Игнат! – сдавленно прошипел у меня за спиной Сушков, но моего денщика-телохранителя с нами не было, решать проблему придется самим. То есть мне самому.

– С кем имею честь говорить? – сухо осведомился я.

– Ах, да, – офицер глумливо усмехнулся, – князенька же у нас тронулся умом и потерял память! Очень удобно, не правда ли, совершить гнусную мерзость и тут

же забыть о ней!

На этот раз никто не засмеялся, а «добрые» лица людей, сбившихся в уже довольно порядочных размеров толпу, недвусмысленно указывали на распределение симпатий между князем Бодровым и оппонентом. Стоп. Не так. Между мною и оппонентом. Хватит уже этого раздвоения личности, пора свыкнуться с мыслью, что теперь я и есть Михаил Бодров. Теперь и навсегда.

– Это разные вещи, – как можно более спокойно сказал я, краем глаза подмечая, как Кузьмич дает какое-то поручение пробегавшему мимо слуге.

– Разные вещи – это что? – офицер брезгливо усмехнулся, словно счел мои слова жалкой попыткой оправдаться. – Мерзость и гнусность?

– Тронуться умом и потерять память, – со вздохом уточнил я, уже понимая, что неприятностей не избежать, – поэтому еще раз повторяю: с кем имею честь разговаривать?

– А что, Бодров, в Холодном Уделе серебро так и не нашли? Приличную одежду купить не на что? – в разговор вмешался разряженный в шелка и бархат франт и, белозубо улыбаясь, повернулся к дамам, уверенный в том, что произнес удачную шутку. К моему удивлению, вокруг действительно радостно засмеялись. Ах, вот как? Я почувствовал, что буквально закипаю от злости, и попытался взять эмоции под контроль, чтобы не выставить себя полным дураком. Кидаться на насмешника с кулаками не стоит, но осадить просто необходимо.

– А кто это у нас такой дерзкий? – грозно сверля шутника взглядом, я демонстративно взялся за рукоять шпаги.

Франт испуганно попятился, его лицо вытянулось и побледнело. Ну, а как он думал? Травить толпой одного легко и весело, а ответить за свои слова один на один – это уже совсем другое дело. Понятно, что изначально не предполагалось решительного отпора от жертвы, но тут уж ему не повезло.

– Ого, Бодров! – с веселой беззаботностью воскликнул офицер. – Какой решительный настрой!

– Я дважды задал тебе вопрос, – я перенес агрессию со старательно пытающегося затеряться в толпе франтика на первого наглеца, – ты соизволишь представиться, или в приличном обществе стыдно произносить твою фамилию?

– Поручик третьего драгунского полка Владимир Сахно! – мои слова явно задели поручика за живое, ибо всю его веселость словно рукой сняло. – И это ты должен стыдиться произносить свое имя вслух!

– Прекратите говорить загадками, поручик! Или объяснитесь, или катитесь к черту!

– Вот как? – глаза Сахно сузились, сразу делая его лицо злым. – Ты предал и оклеветал достойного человека, а потом, когда я прибыл призвать тебя к ответу, приказал своим наймитам удалить меня из Белогорска! Ты – негодяй, подлец и предатель! Я вызываю тебя на дуэль! – и прежде чем я успел что-либо возразить, драгунский поручик залепил мне пощечину.

– Его светлости не по статусу с тобой драться! – попытался втиснуться между мной и Сахно Кузьмич, но я решительно его отстранил. Дело зашло слишком далеко, и в любом другом раскладе, кроме принятия вызова, моя репутация сильно пострадает. На дуэли, правда, убить могут, но тут уж как карта ляжет.

– Прекрасно, господин Сахно! Где и когда? – с трудом сдерживая гнев, осведомился я, хотя выбирать время и место, по идее, должен был я.

– К чему тянуть кота за хвост? Здесь и сейчас!

– «Шоу маст гоу он»! – усмехнулся я. Господин поручик у нас шоумен, явно любит работать на публику, быть в центре внимания. – Прекрасно!

– Что ты там бормочешь, Бодров? – нахмурившись, переспросил драгун, то ли не расслышавший, то ли не понявший моей реплики.

– Я говорю, что ты клоун! Шут гороховый! – любезно уточнил я, сбрасывая камзол и треуголку на руки насмерть перепуганному Сушкову и извлекая шпагу из ножен.

– Ну, князенька, готовься отправиться в преисподнюю! – процедил сквозь зубы поручик, вслед за мной освобождаясь от камзола, шляпы и ножен. – Капитан Данилов, не изволите быть моим секундантом?

– Охотно, Владимир, – с готовностью отозвался стоявший на протяжении всей перепалки рядом с ним офицер, – но князю тоже нужен секундант.

– Выберите сами, господин Данилов, у меня нет повода не доверять вам, – поскольку я здесь пока никого не знал, мне действительно было все равно, кто будет моим секундантом.

Выбор пал на некоего прапорщика Зеленодольского полка Скачкова. И тут ко мне на помощь примчался запыхавшийся Игнат Лукьянов.

– Ваше сиятельство, вы не обязаны драться с ним, – с трудом переводя дыхание, произнес мой денщик, – он дуэлянт, бретер, его за деньги нанимают! Нужно крикнуть стражу, она обязана прекратить это безобразие!

– Успокойся, Игнат. Чему быть, того не миновать. Не хватало еще, чтобы меня и в трусости обвиняли, – я отстранил Лукьянова и пошел на свободное место, размышляя о том, будет ли стража разнимать дерущихся, или служивые сейчас вовсю делают ставки и занимают места получше.

Мы с Сахно оказались внутри как бы самого по себе образовавшегося кольца из зрителей.

Коротко отсалютовав противнику шпагой, я встал в позицию. Поручик произвел салют, раскланялся со зрителями, послал кому-то воздушный поцелуй и только после этого встал на изготовку, изящно отведя назад согнутую в локте левую руку. Еще и пальчики растопырил веером – видимо, тоже изящности ради. Чертов позер! Не люблю таких людей, слишком часто они оказываются ничего не стоящими пустышками. Но это скоро выяснится, а пока ни в коем случае нельзя допускать недооценки противника. Кузьмич побледнел, едва завидев Сахно, да и Игнат выглядит взволнованным. К тому же выясняется, что господин поручик – известный дуэлянт, не чурающийся заработка посредством своего умения владеть шпагой.

То есть велика вероятность, что меня «заказали» местному бретеру. Странно все это, непонятно. Опять вот упрекают в предательстве. Видимо, речь идет о том самом Воротынском, который угодил на каторгу за свою переписку с иностранцами. Только при чем здесь я? Даже если допустить, что князь Бодров действительно «сдал» графа, то уж переписку, сочтенную государственной изменой, он вел сам. Либо я чего-то не понимаю в этой жизни, либо чего-то не знаю. Нужно бы прояснить этот набивший уже оскомину вопрос, а то вечно придется терпеть из-за него беспокойство.

Дав себе зарок на ближайшее будущее, я удивился своему спокойствию. Страшно не было. Совсем. Может, потому, что до сих пор до конца не верил в реальность происходящего, смотрел на все, словно со стороны, будто на фильм с собою в главной роли, а может, всё еще был настолько шокирован произошедшим, что чувство страха оказалось сильно притупленным. Да, меня могли сейчас запросто проткнуть шпагой, но мне было на это наплевать.

Сахно сделал шаг вперед, начав дело простой атакой в плечо. Я парировал с уходом назад и тут же в свою очередь шагнул вперед, нацелившись на руку противника. Взяв руку с оружием на себя, поручик тоже парировал и вынужденно отступил на первоначальный рубеж. Разведка боем, так сказать, прелюдия. Сейчас события понесутся галопом, ведь фехтование – очень быстрый вид спорта, все его схватки скоротечны. Только не нужно забывать, что здесь на кону стоит не просто победа, а жизнь – нельзя пускаться в обоюдные размены, на которые так богато современное фехтование. Что толку, если я царапну противника первым, когда спустя мгновение он проткнет меня насквозь? Ну, хватит мяться, наш драгун чего-то выжидает – это его проблема. Меня красота поединка не заботит, меня заботит результат.

Делаю два быстрых шага вперед, сбиваю его клинок в сторону прямым батманом и атакую в правое плечо. Сахно уклоняется с шагом назад и пытается контратаковать меня в руку, я парирую, показываю атаку в чуть выставленное бедро и, дождавшись начала защитного движения, атакую в голову. Противник успевает подставить сильную часть клинка, поэтому всё, чего удается добиться, – это слегка царапнуть ему подбородок.

В толпе раздается несколько удивленных ахов и охов, но поручик не обращает на это ни малейшего внимания. Он взрывается серией ответных атак, вынуждая меня спешно разрывать дистанцию. Драгун продолжает наседать, путает меня серией финтов, после чего делает быстрый выпад, и мое бедро взрывается от

боли укола. Черт, черт, черт! Нельзя пассивно защищаться, иначе такой соперник просто разделает меня, словно тушу на бойне.

Моя запоздалая попытка достать противника на выходе из выпада ни к чему не привела. Хорошо двигается, чертяка, легко и плавно. Красуется теперь перед публикой, думает – полдела сделано. А вот и нет, не так быстро. Я несколько раз попробовал перенести центр тяжести на раненую ногу и убедился в ее работоспособности. Рана не глубокая, неприятно, но не смертельно. Продолжим.

Шаг вперед, еще шаг. Наши клинки скрещиваются раз, другой, третий. Напряжение растет, нельзя допустить ошибку. Ох! Чертов Сахно! Я еще только готовил свою атаку, когда он сыграл на опережение – сорвался в атаку стрелой, попутно сбив мой клинок в сторону. Пришлось резко развернуть корпус и как можно быстрее переносить защиту на внутренний верхний сектор. Острие шпаги поручика успело лишь царапнуть мне левую часть груди. Зато сам он получил хороший тычок эфесом в левое плечо, благодаря чему продолжил движение мимо меня. И тут уж я не сплоховал – угостил драгунского офицера рубящим ударом по левой лопатке. Неприятно, правда? А ведь не успей я извернуться, быть мне проткнутым где-то в районе сердца!

Благодаря этому опрометчивому броску мы с Сахно теперь поменялись местами. Всю спесь с Володи как рукой сняло, губы кривились от боли, а глаза сверкали бешенством. Надо полагать, что теперь он отнесется к дуэли со всей серьезностью. А мне оно надо? Мне его и несерьезного хватало. Что в таком случае делать? А попытаться задавить оппонента активностью.

И я пошел вперед, беспрестанно атакуя поручика то в руку, то в плечо, то в голову, заставляя его пятиться и не позволяя перехватить инициативу. С пятой или шестой попытки удалось достать противника в предплечье и тут же вернуть должок легким уколом в бедро. Вот так, господин наглец! Ободренный достигнутым успехом, я попытался провести атаку, нацеленную на голову оппонента, но Сахно перехватил мой клинок своим, не обращая внимания на полученные раны, шагнул вперед и, оказавшись в непосредственной близости от меня, ударил кулаком левой руки под дых.

Это было неожиданно! Заигрался я, решил, что тут у нас спортивное состязание, хоть и с применением колюще-режущего оружия, а здесь драка с поножовщиной.

Пришлось снова спешно разрывать дистанцию, попутно отбиваясь от поймавшего кураж драгуна. Чисто уйти не удалось – я все-таки пропустил укол в плечо. Воодушевленный Сахно продолжил атаку выпадом, но то ли слишком сильно торопился, то ли раненая нога подвела, но его движение вышло неуклюжим, я легко парировал его с шагом назад и тут же, не дав противнику вернуться в стойку, атаковал сам.

Видит бог, я не хотел этого. Я хотел выиграть, победить, не дать себя убить, но не этого. И, выбрасывая руку с оружием навстречу поручику, я стремился всего лишь попасть в цель, просто положить конец попыткам убить меня, а вышло всё так, словно мастер фехтования нанес жестокий жалящий удар. Острие моего клинка, двигаясь снизу вверх, вонзилось поручику прямо под нижнюю челюсть, в то самое место, где с возрастом у людей образуется второй подбородок. И укол на этот раз вышел нешуточным, никаких шансов противнику не оставившим. Сахно рухнул наземь, несколько раз рефлекторно дернулся и замер.

Толпа на мгновение замерла в тишине, а потом заорала, загомонила, завизжала. Кое-кто попытался броситься к упавшему дуэлянту и был остановлен секундантами, но основная масса испуганно бросилась врассыпную с места происшествия.

– Всё кончено, – склонившийся над поверженным товарищем капитан Данилов ошеломленно покачал головой.

– Да, князь, – уважительно промолвил прапорщик Скачков, – удивили так удивили.

– Ваше сиятельство!

– Михаил Васильевич!

Игнат с Афанасием радостно бросились ко мне с объятиями, заставив морщиться от болезненных ощущений.

– Полковник Бодров! – обернувшись, я обнаружил у подножия лестницы офицера и троих солдат в красных мундирах, и сердце мое, еще не успевшее уняться от бешеного ритма поединка, тревожно сжалось от нехорошего предчувствия. – Полковник Бодров, следуйте за мной!

– Розыскники! – испуганно просипел Сушков, подтверждая мои догадки.

– По крайней мере, выяснилось, что я – полковник, – пробормотал я себе под нос, отправляясь вслед за красномундирниками.

6

Промурыжили меня в подземелье Сыскного приказа не менее двух часов. Не пытали, нет, но допрос с пристрастием учинили, в продолжение которого кто-то очень старательно гремел железяками в соседнем помещении. Наверное, это должно было нагнать на меня страху, но представление о находящихся там орудиях пыток я имел весьма приблизительное, потому всерьез угрозу не воспринял. Кстати, почему по делу о дуэли меня допрашивали именно здесь, а не в Разбойном приказе, занимающемся уголовщиной, я так и не понял, а поинтересоваться не решился. И так начальник приказа господин Глазков очень уж пристально вглядывался в мое лицо, стараясь обнаружить малейшие следы вранья или притворства. И несколько раз не преминул указать мне на то, что полная потеря памяти – это так удобно.

Удобно, как же! Дорого бы я отдал хотя бы за половину памяти настоящего князя! Не приходилось бы сейчас тыкаться вслепую, словно новорожденный котенок. И никто толком рассказать не может, каких таких дел натворил мой предшественник, что мне теперь расхлебывать приходится эту «всенародную любовь».

Раны мне обработали прямо в подземелье, и господин Глазков так внимательно наблюдал за этим действом, будто пытался высмотреть на моем теле какие-то особые приметы. Вот же назойливый тип! Неужели подозревает подмену? И так, как бы невзначай, среди вопросов про Сахно и дуэль интересовался покушением, чудесным избавлением от чахотки, формированием полка и вообще времяпровождением в Белогорске и Холодном Уделе.

В общем, в свои дворцовые покои я приплелся выжатым, словно лимон. Но расслабиться и тут не удалось. Мало того что по комнатам туда-сюда сновали слуги, занося и раскладывая по местам вещи, так еще и посетители норовили

засвидетельствовать мне свое почтение. Этикет у них, понимаешь. По мне так – обыкновенное любопытство.

В конце концов, я приказал Игнату запереть двери, а всех любопытствующих гнать в шею, ссылаясь на мое плохое самочувствие. Помогло буквально на пять минут. Потому что никакая охрана не могла преградить дорогу царскому сыну. А по совместительству моему товарищу и по какой-то там линии даже дальнему родственнику.

Он ворвался в мои покои, словно ветер, невысокий, щуплый, стремительный. Русые кудри ниспадают на плечи, черты лица мелкие, подвижные, взгляд бегающий, постоянно переключающийся с одного предмета на другой.

– Миха! Миха, Холод! Жив, чертяка! – он крепко стиснул меня, едва успевшего подняться на ноги, в своих объятиях. Я дернулся от боли в потревоженных ранах, и царевич Алексей сразу понял свою оплошность, отстранился, но руки оставил на моих плечах.

– Прости, брат! Прости! Ты же ранен! Чертов Сахно! Чертовы Воротынские! Бьюсь об заклад – это они наняли этого драгунского наглеца. Они и их фрадштадтские друзья! Но ты молодец! Красавец просто – уложил этого записного дуэлянта! Герой дня! Весь двор уже говорит о дуэли, завтра весь город говорить будет! Ты должен рассказать мне об этом. И не только – обо всем! О покушении, о болезни, о выздоровлении! Идем ко мне, отметим твой приезд!

Он говорил так быстро и напористо, что я и слова не мог вставить в его монолог. Не знаю, как пойдет у нас с ним дальше, но вообще-то такие люди у меня вызывают не симпатию, а головную боль. Впрочем, его радость по поводу встречи со мной выглядела вполне достоверной.

– Алексей Иванович! Умоляю, только не сейчас! – я поспешил воспользоваться первой же паузой в водопаде его слов, но именно что поспешил – явно ляпнул что-то лишнее, отчего царевича аж передернуло.

– Да ты что, Миха! Какой я тебе Алексей Иванович? Для тебя я всегда Алешка! Мы же выросли вместе, мы же друзья лет с пяти! Неужели ты и правда память потерял? По виду, – он провел ладонью по моему лицу, – явно здоровее

прежнего, уставший, раненый, но уже не чахоточный. Неужели ты чахотку одолел, а память потерял?

– Увы, Алешка, – поспешил исправиться я, – десять дней между жизнью и смертью болтался, спасибо Господу, что вообще вернулся. А потом уже выяснилось про исчезновение чахотки и памяти. Видимо, второй пришлось расплатиться за избавление от первой.

– Эк тебя угораздило, брат Холод, в твоем богом забытом Холодном Уделе! – царевич пораженно покачал головой. – А я-то думал, врут злопыхатели, чтобы очернить тебя.

– Да кому это нужно? – скорчив пренебрежительную гримасу, я мягко высвободился из объятий Алексея.

– Ну, вот что, – Алексей Иванович внезапно поскучнел, обвел мою гостиную внимательным взглядом и едва заметно пожал плечами, – раз уж ты сегодня не в силах отмечать свое возвращение, то зайду за тобой завтра с утра. Отстоим утреннюю службу в церкви вместе. А после придумаем что-нибудь.

Неожиданный поворот. Никогда не был особенно набожным в прежней жизни, да и в Холодном Уделе удавалось посещать церковь лишь в случае крайней необходимости. Неужели в столице придется привыкать к иному? А что делать? Не дай бог, заподозрят подмену дражайшего князя – тут и сказочке конец придет.

Странно, царевич никак не выглядит святошей, и огляделся по сторонам он как-то нервно. Может, подозревает прослушку? Как там говорится: стены имеют глаза и уши? Хм, всё может быть, нужно будет заняться этим на досуге. Но почему все-таки в церковь, да еще с утра?

– В последнее время ко двору прибыло много новых дам, – видя мое замешательство, пояснил Алексей, – все они там будут. Ну, и пошепчемся без лишних ушей.

– Надеюсь, что завтра буду чувствовать себя лучше, – ответил я, провожая младшего царского сына к двери.

Ну, что тут у нас имеется? Наконец-то я имел возможность свободно вздохнуть, не опасаясь косых и все подмечающих взглядов придворных. Денек выдался тот еще, я буквально с ног валился от усталости, потому ограничился лишь поверхностным знакомством с выделенными мне покоями.

Еще при входе бросился в глаза тот факт, что узкая и длинная прихожая когда-то была частью дворцовой рекреации. Простукивание подтвердило некапитальный характер стен – оштукатуренная с обеих сторон деревянная основа. Слышимость здесь соответствующая, даже несмотря на развешанные по стенам ковры.

В коридоре, ведущем в мои внутренние покои, располагались комнаты для прислуги – по две с каждой стороны. Далее шла большая светлая гостиная с огромным окном чуть не во всю стену. Из гостиной одна дверь вела в мой личный кабинет, другая – в спальню. Не так уж много для царского воспитанника и друга царевича, но и не так уж мало для князя, имеющего привилегию квартировать в царском дворце.

По дороге в спальню я ухватил за рукав подвернувшегося под руку Сушкова и осведомился по поводу своей прежней набожности.

– Увы, Михаил Васильевич, – Кузьмич состроил скорбную мину на лице, – не отличались. За что неоднократно получали нагоняй и от митрополита, и от царя-батюшки. В церкви-то вас с Алексеем Ивановичем можно было видеть лишь по большим праздникам.

– А почему царевич меня Холодом называл?

– Так это ваши приятели вас промеж собой нарекли «Князь Холод» или просто «Холод», вы ж хозяин Холодного Удела!

Вон оно как, ну, Холод так Холод. Мне без разницы. А вот то, что поход на утреннее богослужение действительно нетипичный для Алексея поступок, означает, что мой приятель всерьез опасается чужих ушей. Следовательно, есть шанс завтра разговорить его и немного прояснить ситуацию. А то как-то всё непонятно, неправильно. Если уж государь Иван Шестой считает меня за члена семьи, то почему дошло дело до ссылки? И почему друзья какого-то там Воротынского имеют наглость покушаться на мою жизнь? Может, ссылка как раз

была попыткой убрать меня из столицы, отправить подальше от чьих-то длинных рук? Хм, возможно. На севере людей мало, все чужаки видны, как на ладони, подобраться ко мне было трудно. Но всё же подобрались. Однажды целая засада была из бывших сослуживцев графа Воротынского, а второй раз тот самый Сахно прибыл по мою душу, да Игнат с солдатами его втайне от меня спровадил из Белогорска – это я узнал от своего денщика уже по пути в подвалы Сыскного приказа.

Версия неплохая, правда, непонятно, как учитывать преодоленную ныне чахоточность князя Бодрова? Я так понял, что болезнь зашла далеко и никакие доктора уже не в силах были помочь. Так, может, меня умирать отослали с глаз долой, чтобы настроение не портил? Ух, всё! Голова раскалывается от обилия вопросов, на которые она не в состоянии дать ответ. Спать!

7

Вопреки ожиданиям, спал я из рук вон плохо. Поначалу-то удалось провалиться в сон, который, казалось, может оборваться только ожидаемым утренним пришествием царевича Алешки. Но нет, посреди ночи я проснулся от жуткого холода. На дворе стояла глубокая осень, во дворце было холодно и сыро, но не до такой степени, чтобы стучать зубами под двумя одеялами. Тем более что мерзляком никогда не был. Да и очаг слуги затопили еще до моего возвращения с допроса, так что стена, общая для спальни, кабинета и гостиной, уже успела неплохо прогреться. Тем не менее, меня била крупная дрожь – все-таки накрыл меня нервный срыв! Ну, а как вы хотели? Чужой мир, чужое время, дуэли, допросы, дворцовые интриги. За что это все мне? Я не лидер, не герой, не чудо-инженер, лихо начинающий воплощать в жизнь давно изобретенные в своем мире полезные вещи. А мне бы просто выжить…

Еще вот интересно то, что в книгах почти всегда при переселении в чужое тело «попаданцу» достается бонусом память прежнего владельца, а у меня и здесь глухо, как в танке. Как я ни старался, как ни напрягал память, никаких знаний настоящего Бодрова в ней не всплывало, вот ни капельки!

И тело мне досталось самое обыкновенное, да еще с плохой кредитной историей и изрядно подмоченной репутацией. Судя по всему, родство с царской семьей

сыграло с Михаилом злую шутку – получилось, что вырос он в среде местных мажоров. И вел себя, как мажор, что само по себе нехорошо, а когда так ведет себя человек, не являющийся мажором на самом деле, – нехорошо вдвойне. По сути дела, ведь он в этой компании лишний. За его спиной не стоят высокопоставленные родители, богатого наследства князь не получил, ведь обширные по площади земельные владения на самом деле крайне скудны материальными и людскими ресурсами. Фактически все бодровское достояние – это звучная фамилия древнего рода. Но Миша изо всех сил старался соответствовать, быть своим в этой компании, чего бы это ни стоило. Вот и создал себе поганенькую репутацию к своим двадцати с небольшим годам. А мне теперь расхлебывать.

Почему-то в памяти всплыло лицо той хорошенькой барышни, с которой я едва не столкнулся у лестницы перед дуэлью. То, что Бодров был с ней знаком, – это неоспоримый факт. Так же, как и то, что встреча с таким знакомым не вызвала у девушки никаких радостных эмоций. Лишь досаду и отвращение. И это было очень обидно, гораздо обиднее того презрительного отношения, которое выказала мне ставшая свидетелем поединка с Сахно толпа.

Вот так, мысленно перебирая все обрушившиеся на меня трудности, я постепенно успокоился. А с обретением спокойствия удалось и дрожь унять, и согреться. Еще какое-то время сидел, привалившись к спинке кровати, вспоминал мельчайшие подробности дуэли, анализировал свои действия. По всему выходило, что фехтование – это пока единственная область, в которой я чего-то стою. Не хочу сказать, что являюсь прямо-таки мастером клинка, но по местным меркам уровень у меня неплохой. Нужно не забывать практиковаться и сократить до минимума размен в обоюдных атаках. Сегодня-то удалось отделаться неглубокими порезами и уколами, в другой раз может и не повезти. С этой мыслью я и заснул.

Разбудил меня вовсе не царевич, а денщик-телохранитель Игнат. В гостиной жизнь уже кипела: слуги вовсю шуршали по хозяйству, Сушков с умным видом скрипел гусиным пером на дальнем конце стола. Так что к приходу Алексея я успел умыться, наскоро перекусить и морально подготовиться к выходу в свет.

– Другое дело! – буркнул себе под нос явно не выспавшийся царский сын, обозрев мой утренний наряд. – Немного старомодно, но ты же полгода отсутствовал.

Небольшой храм находился на территории Крепости. Народу собралось много, но давки не было и в помине. Поэтому мы с царевичем в начале службы постояли в центре, у всех на виду, а минут через пятнадцать начали потихоньку смещаться влево. Маневр завершился у подпиравшей потолок круглой колонны. Здесь вообще было малолюдно и, развернувшись в пол-оборота, можно было обозревать присутствующих людей.

– Вон, смотри, – толкал меня локтем в бок оживившийся Алешка, – между двух старых матрон, девица Лебедева. Хороша?

– Ничего.

– А вон, видишь, у противоположной стены, возле второго окна – дочь генерала Юзина Дарья. Видишь?

– Вижу.

– Ничего себе, правда?

– Ага, – снова согласился я, хотя было видно, что собеседника мое мнение не особо интересует. Да и рассмотреть чье-либо лицо в толпе, да еще среди укутанных в платки женских голов представлялось мне делом нелегким.

– А вон Сулицкая! Помнишь ее? Ах, да, ты же ничего не помнишь!

– Ты вчера так резко свернул разговор, словно боялся, что нас подслушают.

Видя, что друг мой не спешит переходить к серьезным темам, я решил сам подтолкнуть его в нужном направлении.

– Ну, так в тот раз-то подслушали, – лицо Алешки исказила злобная гримаса, – подслушали и донесли! А тут еще этот дурак Воротынский со своей перепиской! Тебя сослали, меня чуть не отправили в медвежий угол, вроде твоего Холодного Удела, только на юге. Чтобы от тебя подальше.

– А что было-то? Чего мы такого натворили? – прошептал я в ухо царевичу.

– Обычная пьянка была, Миха, – прошептал в ответ Алексей, – пили-гуляли-веселились. В какой-то момент стали обсуждать батюшкино правление, умничать по всяким поводам. Как всегда, Федьку ругали, мол, он со своими неуклюжими реформами доведет страну до бунта. Ну, тут Воротынский и заявил, что лучше бы государь мне доверил армию, я бы дров не наломал с этими нововведениями, как Федор. И вообще, мол, лучше будет, если я стану первым наследником престола.

– И всё?

– Ну, – царевич слегка помялся, – тут ты поддержал, да и я вроде как согласился. Обычные пьяные разговоры, сколько их у нас было! Только в тот раз Воротынского дальше понесло. Заявил, что есть влиятельные люди, готовые поддержать меня и задвинуть Федьку.

– Вот как! И что дальше?

– Да что дальше, – Алексей досадливо поморщился, – стали прожекты обсуждать, назначения и звания раздавать. Я ж говорю, пьяные были.

– Ничего хоть не подписывали? – мрачно усмехнулся я, пытаясь выявить обвинения посерьезнее пьяных разговоров.

– И этого хватило. Воротынский к себе уехал ночевать. А нас с тобой прямо с утра тепленькими и взяли в оборот. Потом к Воротынскому на дом поехали, а там письма из Фрадштадта с прозрачными намеками убрать Федора, чтобы не мешался под ногами. То есть совсем убрать.

– Вон оно что, – задумчиво протянул я, покушение на жизнь старшего царевича – это уже серьезно, тут и за одни разговоры жизни лишиться можно.

– Батюшка до сих пор со мной сквозь зубы разговаривает, – пожаловался младший царевич, – и при дворе меня вообще всерьез воспринимать перестали. Словно я не царевич, а недоразумение какое-то.

– А почему дружки Воротынского моей смерти желают? Почему меня везде называют трусом и предателем?

– Меня-то батюшка с Федором опрашивали, а тебя в допросную отвели, к Глазкову. А как раз после допроса к Воротынскому красномундирники и нагрянули. Вот все и посчитали, будто ты на него указал. Остальным-то невдомек, что нас подслушали.

– Что-то не сходится, – я почесал затылок, – а что этот Воротынский – настолько популярная личность, что общество так за него переживает?

– Есть такое, – снова скривился Алексей, – любимец женщин, богач, эрудит, герой последней войны с Тимландом.

– Всё равно не понимаю, факт измены-то налицо!

– Не знаю, Холод, не знаю! Только есть слух, будто ты в этом замешан был, а письма чуть ли не подбросил Воротынскому.

– Офигеть! – поразился я. Нечего сказать, богатая у кого-то фантазия – вот так просто, без всяких доказательств, перевести стрелки на подвернувшегося под руку собутыльника.

– Чего? – услышав незнакомое слово, царевич удивленно повернулся ко мне.

– Да это так, высшая степень удивления, – отмахнулся я.

– Офигеть! – медленно повторил Алексей, словно пробуя слово на вкус. – Чудно!

Не могу сказать, что всё мне в истории с графом Воротынским и полугодовой опалой Бодрова стало ясно, но кое-какой свет на это дело удалось пролить. Знания не бывают лишними, пусть я не могу извлечь из них какую-то сиюминутную пользу, но каким-то образом они всё равно пригодятся. Чем больше я узнаю о моем предшественнике в теле князя, тем больше понимаю, каким человеком он был, как вел себя в различных ситуациях, какие совершал ошибки. И тем проще мне будет исправлять эти ошибки. А исправлять их придется, ибо репутация прежнего князя Бодрова меня категорически не устраивает.

Служба подошла к концу, и народ неторопливо потянулся к выходу, когда я вспомнил еще об одном факте, вызывавшем у меня сомнения:

– Скажи мне, Алексей, а то, что Сахно вызвал меня на дуэль, – это вообще нормально? В свете того, что я князь и вроде как полковник, а он обычный дворянин и поручик.

– Лет пять назад ему бы и в голову такое не пришло, – грустно усмехнулся царевич. – Но Федор со своей реформой армии всё перевернул с ног на голову. Видишь ли, он считает, что дети худородных дворян гораздо больше стремятся овладеть военной наукой, нежели дети высокородных. Потому он последовательно уравнивает всех в правах. Чтобы стимул к развитию был.

– Начинание похвальное, но в отношении дуэлей – явный перегиб. Лучше бы вообще их запретили, небось немало народа гибнет ни за что ни про что.

– Да ты что? – изумленно прошептал мне на ухо Алексей. – Не вздумай такое говорить – сочтут сумасшедшим!

Мы с Алешкой покидали храм в числе последних посетителей, потому-то мое внимание и привлекла одинокая коленопреклоненная фигура. Велико же было мое удивление, когда я узнал бледное, заплаканное лицо вчерашней «девушки с лестницы».

– А это кто? – я дернул за рукав шедшего чуть впереди меня царевича.

– Где? А, это Наталья Ружина, графиня Корбинская, – он пренебрежительно махнул рукой, – приживалка.

В этот момент девушку загородил склонившийся над ней священник, и я поспешил вслед за Алексеем Ивановичем выйти на улицу.

– Что значит «приживалка»?

– Это же с твоей легкой руки, – начал было царевич, но наткнувшись на мой непонимающий взгляд, осекся. – Эк тебя, брат Холод, угораздило! Столько простых вещей объяснять теперь приходится.

– Думаешь, мне это нравится? Наверняка же в моей жизни не только плохое было, а я ничего вспомнить не могу! Родителей даже не помню! – в сердцах бросил я и нисколько не покривил при этом душой.

– Родители – это как раз понятно, ты совсем малой был, когда они погибли. А Ружина, она из семьи исконных владетелей Корбинского края. Сейчас это Улория, предки лет семьдесят назад профукали в ходе очередной неудачной войны. Но народ там наш, православный, и язык наш. Правда, если не отобьем назад, через двадцать – тридцать лет изменится всё, окончательно станет улорийским. Так вот, тамошние дворяне время от времени пытаются сподвигнуть отца на решительные действия, то бишь начать войну, а они тут же поддержат ее восстанием. Но с Улорией шутки плохи, армия короля Яноша сейчас сильнейшая на континенте. Да и за последние сто лет натерпелись мы от них, десять раз подумаешь, прежде чем решиться на такое.

Краткий экскурс в местную историю я совершил, еще находясь в Холодном Уделе, поэтому знал о том, что Таридия крайне неудачно воевала в последнее столетие, теряя территории то на западе, то на востоке. И больше всех бед принесли моей новой родине именно улорийцы – их агрессивные действия уже лишили страну шестой части площади. Особенно болезненной была как раз потеря Корбинского края, поскольку теперь в распоряжении таридийских царей осталась довольно узкая полоска земли, дающая выход к Южному морю. И король Янош не скрывал своих намерений окончательно задвинуть своего западного соседа подальше на север.

– Так вот, – продолжил Алексей, – семья Ружиной готовила восстание, рассчитывая, что в этом случае мы просто не сможем остаться в стороне и не поддержать их. Но готовили плохо, потому что Янош всё прознал, заговор разгромили, главарей арестовали и не так давно казнили. В том числе отца и брата Натальи. Ей повезло – успела бежать, когда начались аресты.

– Вот оно что! – душевное состояние девушки становилось вполне объяснимым. – И что дальше?

Дальше пошла политическая игра. Царь Иван Федорович приютил беглянку, являющуюся теперь единственной законной наследницей Корбинского края. А король Янош, несмотря на всё свое могущество, не хотел менять владетелей края своей властью, справедливо полагая, что это может аукнуться ему в будущем. Тем более что сейчас он, по праву сюзерена, имел право «принять

участие в судьбе» наследницы, то есть найти ей жениха в приказном порядке. Таким образом и законность будет соблюдена, и верный правитель поставлен в мятежный регион. Загвоздка была лишь в труднодоступности невесты.

Но и Иван Шестой пока не мог использовать беглянку в своих целях. Выдать ее замуж дело не хитрое, но нужно понимать, что кто бы ни был ставленником Таридии, ему придется оказывать вооруженную поддержку, то есть воевать. Был, правда, еще один весьма сомнительный вариант. Если бы жених оказался из очень знатного рода, то его кандидатуру могли бы поддержать другие монархи и Яношу, скрепя сердце, пришлось бы согласиться. Но, опять же, перевести край в подданство Таридии новому правителю можно будет только силой. А где взять такую силу, если сам таридийский государь не решается вступать в войну с Улорией?

Поэтому ситуация с Ружиной находилась в этаком замороженном состоянии, а сама она уже больше года жила в царском дворце на полном государственном обеспечении. Нужно ли упоминать, что нравилось подобное не всем? Придворные дамы открыто завидовали ее нарядам, полагая, что куплены они за казенный счет, придворные кавалеры считали, что она не по праву занимает привилегированное положение близ царской особы, а представители знатных семейств обвиняли графиню в попытке решить собственные проблемы за чужой счет. В конце концов, не нравилось быть в подвешенном состоянии и самой Ружиной.

– И тут она допустила ошибку, – царевич растянул губы в широчайшей улыбке, отчего стал похож на мультяшный персонаж, – не зная о твоей помолвке с купеческой дочерью, предложила тебе себя в жены!

– Ну и? – мрачно поинтересовался я, уже догадываясь, что услышу в ответ.

– Была высмеяна в лучших традициях Князя Холода и награждена тем самым прозвищем «приживалка»!

– Ох и дурак! – я в отчаянии схватился за голову руками.

– Ты чего? – Алексей резко остановился и посмотрел на меня широко раскрытыми от изумления глазами.

– Поверить не могу, что был такой сволочью!

– Да она сама виновата! И главное – думаешь, она сделала выводы? Как бы не так, сейчас князя Григорянского обхаживает! Не дура ли?

– Она просто несчастная, испуганная, ищущая спасения девочка.

– Ну, вот что, Миха, давай-ка оставим Ружину в покое, – царевич тяжело вздохнул, – пойдем праздновать твое возвращение. Пора начинать новую жизнь!

Я пытался сопротивляться, справедливо полагая, что неправильно начинать новую жизнь со старой доброй попойки в компании царевича Алешки, но второй наследник престола умел быть настойчивым, дополнительно мотивировав свой приказ-приглашение завтрашним возвращением в столицу государя. А уж тогда мне будет не до пьянки, придется предстать пред его светлые очи с отчетом.

Да и у кого еще я смогу почерпнуть столько полезной информации, как не у закадычного дружка?

8

Никогда особо не любил ни ходить в гости, ни принимать гостей. По прошествии одного, двух, ну, максимум трех часов терпение мое исчерпывается и гостевая ситуация начинает причинять мне серьезные муки. Нет, конечно же, бывают исключения, когда и людям ты искренне рад, и прекрасно проводишь с ними время. Но даже в этом случае спустя несколько часов я ощущаю себя уставшим и полностью опустошенным. Может, дело в воспитании, может, в характере. Еще однажды мне поведали теорию об энергетических донорах и вампирах, мол, я подпитываю своей энергетикой окружающих до тех пор, пока не превращаюсь в разряженную батарейку. Может, так, а может, и нет. Никогда не пытался подвести под этот факт какую-либо теорию, просто воспринимал его как данность – ну не могу я хорошо себя чувствовать ни при долгих походах в гости, ни при долгих приемах гостей.

Зная эту особенность моего характера, можно представить, сколько душевных мук пришлось мне вытерпеть, чтобы просидеть в гостях у царевича Алексея весь день! И все это время практически не вставая из-за стола.

За завтраком было многолюдно, кроме нас с Алексеем за его столом кормились не менее двух десятков придворных обоего пола. Никого из них я не знал, хотя пара человек пыталась петь мне дифирамбы по поводу вчерашней дуэли, намекая на свое присутствие в толпе зрителей. Но я предпочел отмолчаться, царевич тоже не проявил интереса к разговору, поэтому тема быстро сошла на нет.

А поскольку я устранил свою персону из общего обсуждения, то битых три часа пришлось выслушивать подхалимские речи в адрес моего царственного товарища. Не знаю, как всегда, но сегодня царевич никакого внимания на придворных блюдолизов не обращал и в разговоры практически не вступал.

– Видишь, кого терпеть приходится? – устало спросил Алешка, как только последний столующийся покинул его покои.

– Так в чем дело? – удивился я. – Гони их всех в шею!

– Легко тебе говорить, к Федьке на завтрак по сотне человек приходят, чуть не драку за места устраивают. И не эти отбросы, а действительно важные интересные люди. А у меня – вот, и смех и грех! – с самым мрачным видом пожаловался младший царевич.

Вон оно что! Завидуем старшему брату по полной программе. Но старший-то царевич реальными делами занимается: реформы толкает, армию новую создает, над флотом задумывается. Федор уже сейчас чуть не половину государственных дел на себе тянет, а садиться на трон не спешит, везде и во всем отца поддерживает. Оттого и популярность в народе, потому и уважение соответствующее, как у друзей, так и у врагов.

А младшенький, стало быть, хочет иметь те же сладкие плюшки, но на халяву. Ситуация знакомая и не раз встречавшаяся мне ранее. Эх, не с той стороны ты за решение проблемы берешься, Алешка! Да и не берешься вовсе – только видимость создаешь.

Как только гости разошлись, царевич набросился на меня с расспросами. Пришлось поведать ему про покушение, выздоровление и жизнь в Холодном Уделе, про то, как полк Белогорский формировал. Ну и про дуэль с поручиком Сахно, куда ж без нее – тут он меня чуть ли не посекундно восстанавливать события заставил.

А потом настал черед рассказывать Алексею, и на меня обрушился целый поток жалоб. Царевич жаловался на отца и брата, на предателя Воротынского, на негодяя Глазкова, настоявшего на моем изгнании, на окружающих его лжецов и трусливых подхалимов, на нерадивых слуг и недостаточность выделяемого ему денежного содержания. Весь мир был в чем-то виноват перед ним, таким хорошим, «белым и пушистым». Никогда прежде мне не доводилось выслушивать такого количества жалоб от одного человека. И никогда прежде я так не радовался выпивке, потому что если бы не она, родимая, мой мозг выкипел бы еще на исходе первого часа этой моральной экзекуции.

Алешка пил вдвое больше меня, но мои надежды на зеленого змия, который вот-вот закроет ему рот, никак не сбывались, тщедушное тело царевича выказывало поразительную стойкость к алкоголю.

– Скажи мне, Миха, – изрядно осоловевшим голосом спросил второй наследник престола, – а почему ты согласился разорвать помолвку с Калашниковой?

– Ну, так, – неожиданная смена темы изрядно выбила меня из колеи, тем более что про помолвку я уже практически забыл – было и было, что вспоминать-то? – Калашникову это не нужно, мне не нужно – чего мучиться-то?

– Ха! А раньше ты говорил, что будешь доить его до скончания жизни!

– Дурак был потому что.

– А что такого? – Алешка с трудом мотнул головой, пытаясь отбросить со лба непослушную прядь волос. – К твоему имени приложились бы достойные деньги, разве ты не заслуживаешь этого?

Как бы объяснить популярно человеку, что мне при всех моих проблемах только женитьбы и не хватает? Тут бы самому как-то прижиться, а если еще и за семью отвечать нужно, то, считай, тяжесть ноши удваивается. Да и не хотелось делать

резких движений, не разобравшись с ситуацией досконально: Калашниковы хоть и стали дворянами, но сильно недавно. И Сушков, к примеру, мне все темечко продолбил воплями о разнице в статусах и грядущем пренебрежении ко мне со стороны аристократии. Но самой главной причиной было абсолютное неприятие каких-либо отношений с противоположным полом – я ведь буквально только что, хотя и, так сказать, в прошлой жизни, был женат и счастлив в браке, а потому мне нужно было больше времени, чтобы «переключиться» в режим совершенно другого человека. Я ведь был воспитан в таком духе, что семья создается один раз и навсегда. И без всяких там «левых» похождений. Кто-то скажет – старомодно, скучно, а мне нравилось.

Попробуем втолковать царевичу что-то более удобоваримое:

– Калашниковы-то в дворянах всего ничего, не ровня они мне, – язык слушался меня уже не очень хорошо, нужно заканчивать с возлияниями. – Если бы свадьба состоялась, меня бы потом все благородное общество заплевало за «брак с денежным мешком».

– А то тебе сейчас много уважения оказывается! – съехидничал Алексей и был прав, подлец такой! – А так бы с деньгами проблем не было.

– Правда твоя, нет уважения. Но я решил самым коренным образом изменить свою жизнь. Уважения буду добиваться сам, своими делами. И жениться хочу по любви, а не из-за денег или положения в обществе!

– Все-таки сильно тебя по голове приложили, брат Холод! – физиономия царевича расплылась в улыбке. – Совсем как Федька говорить стал. Только вот Феденька говорил так, говорил, а теперь от своей Софьи бегает потихонечку к Гороховой. Вот и весь сказ!

– Нам с тобой, Алешка, – я приобнял Алексея за плечи, – нужно перестать обсуждать других. Нужно самим дело делать. Федор государю много помогает. Мы тоже можем помочь. Ведь кто, если не мы? Мы свои, мы не предадим. Нам сам бог велел заодно всем быть!

– Вот! – царевич воздел палец вверх. – Вот! Я думал об этом, сказать не мог! А ты сказал! Только… все равно… обидно.

Как-то слишком уж резко речь царского сына стала неразборчивой, я даже внимательно посмотрел на собутыльника, заподозрив какой-нибудь подвох. Но – нет, алкоголь всё же одолел Алешку, просто у всех это бывает по-разному. На моей памяти были случаи, когда здоровых мужиков развозило буквально с пары рюмок, а было и так, что человек полдня заливал себя самогоном, оставаясь при этом абсолютно трезвым, а потом ему в одно мгновение ударяло-таки в голову, и он падал лицом в салат.

– Все, Миха… Я спать. Зайду завтра!

Всё. Это были последние разумные слова Алексея на сегодня, далее следовало лишь неразборчивое бормотание и шумное сопение. Подоспевшие слуги сноровисто подхватили господина под руки и аккуратно повели в спальню, а я наконец-то оказался предоставлен самому себе.

Час был еще не очень поздний, но на улице уже стемнело, и в коридорах царского дворца царил полумрак. Мне нужно было подняться со второго этажа на третий, однако в процессе подъема меня посетило непреодолимое желание подышать свежим воздухом, потому я потащился на четвертый этаж, где ранее приметил балкон. Там и свежий воздух, и шикарный вид на ночной город, так сказать, два удовольствия в одном флаконе.

Наверху было темно и безлюдно. Здесь даже не было стражи – то ли по статусу обитателям верхних этажей было не положено, то ли просто считалось неразумным охранять те места, куда супостат не сможет забраться напрямую.

По длинному темному коридору я перебрался в другое крыло здания, и здесь, на самом выходе, до меня донесся сдавленный женский вскрик. Я остановился. Только этого еще не хватало! И так приключений за проведенные мною в столице два дня было вполне достаточно, не нужно мне новых.

А может, показалось? Может, просто влюбленная парочка обжимается в каком-нибудь закутке? С чего я взял, что это обязательно должно касаться меня? Больше крики не повторялись, и, облегченно вздохнув, я продолжил свой путь.

Но обойти неприятности стороной не получилось. До вожделенного балкона было уже совсем недалеко, когда звук повторился. А следом стал слышен шум какой-то возни, доносившийся из-за колонн. Я вновь остановился, раздираемый

противоречивыми чувствами: влезать в чужие разборки не хотелось, но крик явно был женским – вдруг кого-то реально убивают, а я трусливо пройду мимо. И так нехорошо, и эдак тоже. Может, все-таки уйти отсюда? У меня вон и оружия нет, за исключением кинжала.

– Тихо! У нас гости! – раздался чей-то свистящий шепот, дававший понять, что я замечен, и отрезавший для меня пути к отступлению.

Теперь-то уж точно не поверну назад, тем более что и неизвестная воспользовалась паузой в действиях своих обидчиков, принявшись вырываться с удвоенной силой.

– Помогите! Помоги… – вопль оборвался, по всей видимости, жертве вновь зажали рот.

– Медведь! Держи крепче! – раздраженно просипел тот же голос, уже не особо таясь.

– Кто это здесь темными делами занимается? – напустив в голос побольше строгости, спросил я и потянулся к поясу за кинжалом.

– А кто это у нас тут бродит по темным углам, да еще в одиночку? – раздалось в ответ, и метрах в трех от меня из-за колонны выступила темная долговязая фигура.

Где-то слева послышался подозрительный шорох, поэтому я на всякий случай сместился на шаг вправо. А долговязый вальяжно направился в мою сторону. Руки его были пусты, но кто его знает, что там у него может прятаться в рукавах.

– Полковник Белогорского пехотного полка князь Бодров Михаил Васильевич собственной персоной! – развернуто представился я, внимательно наблюдая за противной стороной. – С кем имею честь разговаривать?

– Бодров? Ты чего здесь забыл? Иди к себе и спи спокойно, а то, знаешь ли, в темноте споткнуться можно и шею себе свернуть. Совершенно случайно.

– Девушку отпустите! – ах, как же жаль, что при мне нет шпаги! Как бы она сейчас мне пригодилась.

Слева выпрыгнул второй темный персонаж и с залихватским хеканьем попытался ударить меня в голову. Я машинально дернулся в сторону, но сделал это недостаточно быстро. В результате удара как такового не получилось – всего лишь по касательной мне задело скулу, однако выскочившему из засады противнику это показалось достаточным результатом.

– Тебе же говорят – иди домой, – хриплым голосом заявил он, – целее будешь, князенька!

Князенька, значит? Меня так Сахно вчера называл, чрезвычайно обидно звучит, однако. Резко развернувшись влево, я угостил хриплого прямым ударом с правой куда-то в область произнесшего обидное прозвище рта. Не проронив ни звука, противник упал на пол.

В тот же миг удар долговязого под дых заставил меня согнуться пополам и обронить только извлеченный из ножен кинжал. Продолжая дело, мерзавец попытался пнуть меня ногой, целя в лицо, но оперативно подставленное плечо приняло удар на себя. Я со стоном выпрямился, а первый из супостатов вновь замахнулся для удара. Вот только замахнулся слишком широко, от души, потому я даже в полумраке успел среагировать на это движение. Кулак противника прошел над моей головой, сам он был вынужден сделать судорожный шаг вперед, чтобы избежать падения. Ну, а я с удовольствием обхватил его рукой за талию и, резко развернув тело, произвел бросок через бедро из арсенала борьбы самбо. Давно занимался, еще в школе, но кое-какие приемы запомнились на всю жизнь.

Долговязый смачно грохнулся об пол. Но передышки мне это не принесло – в бой снова вступил второй персонаж, и мне не слабо досталось в челюсть. Он нанес еще два быстрых удара, которые были мною заблокированы, а потом настал мой черед – душевненько так, от плеча, вмазал ночному бандюге в скулу. Этот, с хриплым голосом, какой-то легкий оказался. И в первый раз я его сразу с ног сбил, а теперь он и вовсе отлетел куда-то за колонну.

– Помогите! Стража! Стража! – вновь завопила девушка.

В голове моей шевельнулась удивленная мысль о неправильности ситуации, но о причине, по которой рот жертвы больше никто не зажимал, я сообразил слишком поздно. Из темноты выметнулась огромная фигура третьего злоумышленника и в мгновение ока оказалась передо мной. Сам не знаю, как, видимо, рефлекс какой-то сработал, но я успел увернуться от первого удара с могучего замаха и в свою очередь ткнул противника кулаком в объемное пузо.

Толстяки бывают двух видов: собственно толстяки и большие люди. Обычному толстяку такой удар промял бы живот до самой печени и, скорее всего, вывел бы из строя. Может, не надолго, но на минуту-другую уж точно. С большими людьми всё по-другому. У этих всё большое: руки, ноги, живот. И во всем заключена огромная природная мощь. К сожалению, мой соперник оказался из таких, не зря же его дружки медведем кличут.

Так что мой удар в живот не произвел на него никакого впечатления. Зато я от толчка его левой руки довольно чувствительно влетел спиной в стену.

– Миша, пришиби его! – простонал с пола долговязый.

Вот оно как? Медведь и по имени Мишей оказался. Тезка, однако. Я изо всех сил ударил коленом в пах вновь подскочившего ко мне громилу. На этот раз он громко ойкнул и остановился, но лишь на миг. Не успев больше ничего предпринять, я отправился в короткий полет на пол от увесистого удара-шлепка ладонью левой руки. В ушах у меня шумела кровь, перед глазами кружились звезды, из носа потекла теплая струйка. Страшно представить, что было бы, врежь он мне кулаком.

– Стража! Стража! – продолжала надрывать голосовые связки девушка уже совсем близко от меня.

– Пойдем отсюда! – из-за колонны вновь появился обладатель хриплого голоса. – Стража отсюда не услышит, но кто-нибудь может спохватиться.

Громко сопя, здоровяк подошел к с трудом принявшему сидячее положение долговязому и помог ему подняться. Потом они с хриплым подхватили товарища под руки и медленно направились прочь от меня. Слава богу, что так, потому что продолжать драку я был не в состоянии.

– Зря ты влез, Бодров, не твое это дело, – сделав несколько шагов, хриплый обернулся, – а ты, Ружина, думай головой, что делаешь! Если, конечно, тебе есть чем думать!

С тем и удалились. Что интересно, никаких признаков стражи так и не появилось, неужели действительно не слышно? Что же тогда выходит – на четвертом этаже царского дворца кого-то могут запросто убивать, а стражи порядка ничего об этом не будут знать? Чудовищный недочет! Если только со стражей не поработали предварительно на предмет временной глухоты в определенное время. Такое можно понять, когда следует приказ свыше, но что-то эта троица не похожа на государевых людей, потому возникает у меня мысль о ненадежности местных блюстителей порядка.

– Меньше всего на свете ожидала увидеть здесь тебя, Бодров, – графиня Ружина склонилась надо мной, голос ее при этом был холоден, хотя проскальзывали в нем и некоторые нотки удивления.

– Я вообще никого не хотел видеть, графиня, – я с кряхтением поднялся на ноги, опираясь рукой о стену, – просто шел на балкон, воздухом подышать.

– О, Бодров, – Наталья демонстративно помахала рукой, отгоняя от своего носика донесшийся от меня запах перегара, – да ты пьян! Впрочем, как и всегда! Что ты за человек такой!

– Ты мне не жена, чтобы попрекать, – опешил от такого поворота разговора я.

– Вот еще! – она презрительно фыркнула, отчего мне стало совсем уж обидно за себя. – Не хватало мне еще выйти замуж за пьяницу и…

– Труса? Предателя? Вора? Изменника? Волка позорного? Гомосексуалиста? Долбоящера?

– Ты чего? – теперь пришел уже черед собеседницы изумляться. – Я и слов-то таких не знаю!

– Извини, – я раздраженно махнул рукой, – просто устал уже от непонятных обвинений. Все в чем-то меня обвиняют, за что-то презирают и ненавидят. А я

даже не могу возразить, потому что ни черта не помню!

Ну вот действительно наболело уже! Не знаю, что уж она намеревалась вменить мне до пары с пьяницей, но явно что-то неласковое. Сколько можно! Спасибо, хоть вовремя остановилась, как-никак я только что спас ее от злоумышленников и пострадал при этом, между прочим. Я непроизвольно потрогал горящее огнем правое ухо – вроде бы не так страшно, как думалось, сильно распухнуть не должно.

– Спасибо тебе, Михаил, – видно было, что слова даются Ружиной непросто, но здравый смысл и элементарная людская благодарность взяли-таки вверх над привычной неприязнью. – Ты очень вовремя появился и не побоялся влезть в драку из-за меня.

– Да ладно, пустяки, – я застенчиво пошаркал ножкой, опуская тот факт, что понятия не имел за кого вступаюсь, – кто это был-то?

– Дружки Григорянского.

– А чего такого ты натворила?

– А это уже не твое дело! – резко ответила Ружина.

– А, ну да, – предельно саркастично отозвался я, – в драку влезть – это мое дело, а узнать, из-за чего тебя хотели лишить то ли жизни, то ли чести, то ли и того и другого сразу, – это не мое дело!

– Чего? – звонкая пощечина обожгла мне левую щеку, а если бы я не перехватил ее руку, то такая же участь ждала бы и щеку правую.

– Эй! Эй! Раздухарилась! Что такого я сказал?

– Да как ты посмел предположить даже, что меня чести лишить хотели? Платье они мне порезать собирались, понятно?

– А, платье порезать? – да они тут юмористы, как я погляжу. – А, ну раз платье порезать, то да! Зачем насильничать, когда можно платье порезать! Слушай,

какие негодяи! Платье порезать хотели!

– Опять ты издеваешься надо мной, Бодров, – голос девушки внезапно стал очень печальным, – здесь все издеваются надо мной! – и, закрыв лицо ладонями, она горько разрыдалась.

М-да, кажется, перегнул я палку. Она, конечно, тоже хороша: то пьяницей обзовет, то спасибо скажет, то пощечину влепит, то слезы лить принимается. Вот как ее понять? Но, всё равно, неправильно я себя вел, некрасиво. Тем более если вспомнить о том, что Наталья совсем недавно лишилась отца и брата, да и вообще живет в Ивангороде на птичьих правах и на иждивении таридийского царя. А тут еще эти олухи князя Григорянского. Кстати, Алексей говорил, что Ружина сейчас его обхаживает с предложением жениться на ней – вот и разгадка тайны. Девушка от отчаяния перешла существующие здесь границы приличия, вот аристократишка и решил проучить ее, поставить на место. Неправильно всё как-то.

– Натали, прости меня, – очень серьезно сказал я, обнимая ее за плечи, – прости дурака такого, пьяницу, тупицу и прочую сволочь. Меньше всего на свете хотел тебя обидеть. И я соболезную по поводу твоих родных. Обзывай меня как хочешь, только прости. А сейчас позволь проводить тебя до твоих комнат, не ровен час эти кретины еще где-нибудь подстерегут тебя.

– Не надо, – она вздрогнула от неожиданности, когда я обнял ее, но вырываться не стала, – я тоже на балкон шла.

С балкона открывался хороший вид на город, да вот только смотреть сейчас было практически не на что: лишь кое-где сквозь неплотно прикрытые оконные ставни пробивался свет из домов да на фоне ночного неба выделялись белесые струйки дыма, тянущиеся к небу от печных труб. Склонившись над перилами, я вытянул шею и обнаружил с другой стороны ряд хорошо освещенных фонарями улиц. Все они располагались со стороны главных ворот Крепости. Видимо, этот балкон потому и не пользуется большой популярностью, что вид с него открывается на городскую периферию.

– На других балконах постоянно толчется народ, – словно услышав мои мысли, сказала Наталья, – а сюда редко кто забредает. Только я прихожу постоянно.

Она довольно быстро пришла в себя и сейчас сноровисто промокала глаза платочком. Я молча снял камзол и накинул ей на плечи: погода явно не располагала к нахождению на улице в одном платье. Ружина вновь удивленно посмотрела на меня:

– Что с тобой случилось там, в твоем Холодном Уделе?

– Чуть богу душу не отдал, – пожал плечами я.

– Болезнь или покушение?

– И то и другое. Десять суток между жизнью и смертью – хочешь не хочешь, а другим человеком станешь.

– Если бы ты знал, как я устала, – Натали подняла лицо к звездам и устало закрыла глаза, – как тяжело выдерживать все эти косые взгляды, кривые ухмылочки, язвительные замечания. Плохо быть обузой для кого бы то ни было.

– Это не так, ты не обуза, – мягко сказал я.

– Да-да, – она открыла глаза и посмотрела на меня в упор, – еще я инструмент политической игры. Вы, мужчины, постоянно играете в политику, не считаясь ни с чем. Для вас эта игра важнее жизни, она вам заменяет жизнь. Только вы никак не хотите понять, что, проигрывая в этой игре, вы в самом деле лишаетесь жизни, да еще ставите под удар своих близких. Я убеждала отца с братом набраться терпения – дождаться времени, когда Таридия будет готова воевать с Улорией, тогда и выступать. Но они не слушали, считали по-своему. И теперь их нет, а я лишилась родных людей, дома, состояния и живу в постоянном страхе перед завтрашним днем.

– Всё образуется, Натали. Я уверен, что всё будет хорошо.

– Пойдем уже, – графиня грустно усмехнулась, – а то совсем замерзнешь.

Я без приключений проводил Ружину до ее покоев. Честно говоря, ожидал еще несколько благодарственных слов и легкого поцелуя в щечку на прощание, но ничего такого не случилось.

– Ты сильно изменился, Бодров. Надеюсь, теперь у тебя всё будет хорошо, – только и произнесла Наталья, исчезая за дверью.

Я доплелся до своих апартаментов, при помощи Игната смыл с себя следы этого безумно тяжелого дня и завалился спать. И на этот раз уснул, едва коснувшись подушки головой.

9

Покой мне этой ночью и не снился, мне вообще ничего не снилось. Возможно, поэтому проснулся я утром свежим и отдохнувшим. Да-да, как бы удивительно это ни звучало, но ни похмелье, ни полученные накануне побои особых хлопот мне не доставляли. Да, одно ухо было чуть покраснее другого, да, скула чуть припухла, но никакой утренней помятости и головной боли не было и в помине. Уж не знаю, в чем тут дело: может, местный воздух благотворен для меня, а может, клин клином вышибают, и тот здоровяк своей молодецкой оплеухой невольно запустил во мне антипохмельный процесс, не знаю. Просто констатирую тот факт, что с утра я был свеж и полон сил.

Ну, а то, что начало происходить после моего раннего и, подчеркну, добровольного пробуждения, меня не так уж сильно удивило. Привыкать уже начал к тому, что спокойной жизни у князя Бодрова быть не может в принципе. По крайней мере, в Ивангороде.

Я заканчивал завтракать, когда во входную дверь настойчиво постучали. Гостей я не ждал, но и подвоха никакого не ждал тоже. Государь должен был прибыть лишь к обеду, старший царевич продолжал улаживать какие-то дела на границе с Силирией, а до их прибытия вряд ли кто-то мог доставить мне какие-то глобальные проблемы. Тот же всемогущий Глазков хотя и дал понять, что продолжает наблюдать за мной, но без указания свыше ничего предпринимать не станет. Буйные головы вроде Сахно попритихли, наученные его горьким опытом, а больше я ниоткуда опасности не ждал. Вернее, не знал, откуда ее можно ждать.

Что что-то идет не так, стало ясно по шуму в прихожей и сдавленному вскрику отправившегося отпирать двери слуги Семена. Игнат с проклятьями бросился в

угол гостиной за шпагой, я крепче сжал в одной руке вилку, в другой столовый нож. Невесть что за оружие, но другого под рукой не оказалось, и это стоило принять к сведению.

В комнату вошли три солдата и унтер в форме Зеленодольского пехотного полка, причем один из рядовых держал за ухо моего слугу. Следом за ними появилось и главное действующее лицо этого представления – полковник того же самого полка. Знаком я с ним не был, но слышать о князе Григорянском уже приходилось. Был он богат, красив, далеко не глуп, но отличался чрезвычайно высоким мнением о себе любимом. И что немаловажно, Григорянские, так же как и Бодровы, были потомками удельных князей, то есть тоже являлись какими-то там дальними родственниками царствующей фамилии.

Выглядел князь Василий весьма раздраженным, если не сказать взбешенным. Верхняя губа, украшенная щегольскими усиками, подрагивала, темные глаза метали молнии, тонкие брови нахмурены. По моим прикидкам был он старше меня лет на пять, чуть повыше ростом, но с уже явно обозначившимся брюшком, что характеризовало его скорее как любителя вкусно поесть, нежели как любителя физических упражнений. Впрочем, это всё было очень условной оценкой.

Едва я понял, кто передо мной, стала ясна и причина этого нахального утреннего вторжения. Аукнулось мне вчерашнее столкновение с его людьми. Но это уже явный перебор, товарищ Григорянский, не того ты масштаба фигура, чтобы такие «наезды» на меня устраивать.

Кровь ударила в голову, и я лишь огромным усилием воли заставил себя сдержаться. Только наградил выкручивающего ухо Семена солдата тяжелым многообещающим взглядом.

– Сейчас же. Отпусти. Моего слугу, – потребовал я, выделяя интонацией каждое слово.

– Они подчиняются моим приказам, Бодров, – насмешливо сказал Григорянский, подходя ближе к столу.

– Игнат, пистолет! – не оборачиваясь, я протянул назад левую руку, и Лукьянов шустро вложил в нее заряженный пистолет.

– Ты не посмеешь, – князь небрежно махнул рукой, однако его подчиненные обеспокоенно переглянулись, а тот, кого я продолжал буравить взглядом, ослабил хватку.

– Я в своем праве, – холодно ответил я и, вытянув вперед руку, спустил курок, – вы ввалились ко мне домой без спроса.

Грянул выстрел, на зеленодольцев посыпалась выбитая пулей из стены штукатурка, а я невозмутимо протянул разряженный пистолет назад Игнату:

– Следующий! А вас, господа зеленодольцы, предупреждаю, что следующую пулю запущу в лоб этому молодцу!

Не ожидавшие такого приема люди Григорянского явно были впечатлены, и только присутствие их командира не позволяло им с чистой совестью ретироваться. А вот мой слуга обрел свободу и быстренько перебежал ко мне за спину.

– Всем, кроме князя, выйти в коридор и дверь за собой прикрыть! – скомандовал я, вновь наводя на непрошеных гостей пистолет.

Нет, я в девяностых годах братков по улицам трещавшей по швам страны не гонял, маловат был. Зато с приблатненными малолетками, во всем старавшимися походить на коротко стриженных перекачанных героев того времени, сталкиваться приходилось. И я отлично понимал, что перед этой публикой ни в коем случае нельзя дать слабину. Никаких вежливо-корректных разговоров, никаких логических построений и призывов к здравому смыслу, только сила. По-другому они не понимают. Сейчас просто необходимо показать, кто в доме хозяин, лишь потом можно будет общаться.

Солдаты обеспокоенно переглянулись между собой, а унтер-офицер вопросительно посмотрел на князя. Тот нехотя кивнул головой.

Кто бы мог подумать, что мне пригодится именно опыт общения с гопниками из моего параллельного мира! А я-то переживал, что, фактически попадя в прошлое, никак не могу воспользоваться никакими знаниями! Смех да и только…

– Игнат, Семен, выйдите, – добившись ухода солдат, я посчитал, что правильнее будет разговаривать с Григорянским с глазу на глаз, и, как только за моими людьми закрылась дверь, обратился уже к нему напрямую: – Слушаю тебя внимательно, Василий Федорович. Да ты присаживайся, в ногах правды нет.

– Ты напал на моих людей! – проигнорировав и мое предложение, и миролюбивый тон, с ходу заявил Григорянский. – Они не выполнили мое поручение, вследствие чего я не сдержал слова, данного одной наглой особе. А я всегда держу свое слово!

– Вообще-то я шел на балкон подышать свежим воздухом, – попытался оправдаться я, – и это они на меня напали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/evdokimov_dmitriy/knyaz-holod

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити